

Н. А. БОЛОТОВ
Е. Н. БОЛОТОВА

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ
Научно-фантастическая повесть

Н. А. БОЛОТОВ

Параллельные

«Издательские решения»

Болотов Н. А.

Параллельные / Н. А. Болотов — «Издательские решения»,

В конце 21-го века в лаборатории НИИ Временных Связей РФ мощный квантовый компьютер с человекоподобным интеллектом «проглядел» сбой программы и «закоротил» окружающее пространство, вдвинув в него странные образы отнюдь не виртуальной природы. Шеф лаборатории утвердился в существовании в истории земной эволюции некоего параллельного процесса. Для разрешения загадки на Землю-Х авантюрно проникают два добровольца. Они обнаруживают цивилизацию на многие десятки миллионов лет опережающую нашу земную

© Болотов Н. А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. «НИИ Временных связей»	10
Глава 2. Рассказ Авдеева и размышления Авкуба	18
Глава 3. «Сновидения Авкуба»	24
Глава 4. Как «раскололи» Колотура	36
Глава 5. «Прорыв»	43
Глава 6. «Параллельные предки»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Параллельные Научно-фантастическая повесть

Н. А. Болотов

Е. Н. Болотова

© Н. А. Болотов, 2016

© Е. Н. Болотова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Нам бы хотелось, чтобы современная фантастика стала, как во времена Жюль Верна, Герберта Уэлса и Артура Конан Дойла, научной, а наука не чуралась бы фантастики.

Эта повесть – попытка совместить желаемое и возможное...

Нам смешна современная детективная фантастика, основанная на мифических догмах теории относительности с её искривлением пространства и замедлением времени, с тысяче-летними полетами на примитивных аппаратах, неспособных постичь бесконечность Вселенной. Вся научная составляющая такой «фантастики», по большому счету, завершается прилетом пришельцев, а далее следует примитивный кулачный мордобой, пусть даже и на лазерных мечях.

Наша повесть уж точно без рукоприкладства и приключения в ней несоизмеримы с примитивами, в которых нас пытаются убедить киношные «фантазеры». Мы считаем, что нельзя мерить далекое будущее нашей цивилизации размером младенческой ступни первобытно-прошлого человечества. Тем более, что эта ступень очень может быть вовсе и не вершина эволюции на планете по имени «Земля»!

Что значит наша человеческая цивилизация в равномерном беге почти бесконечного времени. Перед вами один из вариантов ответа на этот вопрос...

И «научность» нашей фантастики проистекает из мысли наших героев:

«Мы летаем чуть более ста лет...»

Они планировали в пространстве Более 100 миллионов лет...

«Почувствуйте разницу!»

И если вы уже догадались, кто они такие, это ещё не значит, что поняли: Что ОНО такое...

Болотов Н. А. и Болотова Е. Н. (июнь 2010)

Пролог

Заканчивался тревожный и великий XXI век...

И с ним уходила его жизнь, которая вся, без остатка, целиком была посвящена им же созданной новой науке Космобиологии. В свои, без малого сто лет, он не достиг ещё среднего уровня продолжительности жизни и физически, даже по меркам врача его лунной космобиологической лаборатории, был относительно здоров. Но он понимал, что полностью исчерпал себя.

Да, техногенная цивилизация Земли «железно рванула вперед», по лексике его любимого внука Алешки. Человечество колонизовало Луну и Марс, открыло новые источники энергии, сделала жизнь людей независимой от наследственных и инфекционных заболеваний, и его наука нашла тропинку на пути к великой тайне – происхождению жизни во Вселенной.

Но максималист Алексеев сознавал, что всё это – капля в море от того, чего можно было достичь, если бы...

Если бы все огромные средства, затрачиваемые на науку, направлялись не по очевидной каждому «столбовой дороге», а, хотя бы понемногу, на те тропинки, которые её пересекают.

Столбовая дорога завела науку в три тупика.

Космология и Физика застряли на невозможности доказательства происхождения нашей Вселенной путем первородного взрыва в пустом пространстве, созданным скоростью света.

А эволюция, показав несостоятельность дарвинизма в попытках спонтанного самозарождения жизни на Земле и, особенно, происхождения Высшего разума от обезьяны, превратилась в «мёртвую науку», на манер древней латыни.

В Космологии целый век велись бесполезные споры об обитаемости окружающих нас миров, поделивших оппонентов почти поровну. Одни утверждали, что за 15 миллиардов лет существования Вселенной часть цивилизаций, при своём весьма скромном временном существовании в 2—3 миллиарда лет, должны были бы полностью колонизовать весь окружающий Космос. При этом число внеземных цивилизаций, учитывая возраст и размеры Вселенной, должно достигать огромного количества – десятков миллионов и фоновые «отходы» их энергетики могли бы регистрироваться чуть ли не космическими мобильниками любого гражданина Земли. Однако, несмотря на всё потуги галактической астрономии, никаких признаков подобной энергетики нигде обнаружено не было. Отсюда основной вывод – Мы во Вселенной ОДИНОКИ.

Другие, мене доказательно, но не менее резонно, утверждали, что сверх цивилизации не могут разбрасываться энергией направо и налево. Они энергетически очень экономны, и потому, мы их не обнаруживаем, хотя их в округе полным полно. Да и вообще мы не знаем, что ищем. Ведь электромагнитный диапазон – это не всё, что излучает Космос.

Несмотря на слабую доказательную базу вторых, Алексеев принимал их довод о многообразии жизни во вселенной, однако был уверен, что искать её следует где – то совсем рядом. А не за тысячи световых лет.

Но теоретическая физика фактически стала на сторону первых, объясняя происхождение массы в пустом пространстве теорией «божественного» взрыва. Колоссальные затраты на эксперименты с ядерными коллайдерами ни к чему не привели. Основной вопрос о первоисточнике массы вещества так и остался открытым.

Бозон Хиггса – так называемая «частица бога», ответственная за массу вещества и не имеющая заряда, обнаружен не был. Несмотря на то, что мощность коллайдеров возросла за столетие в тысячу раз (с 1,4 Тэв на пучок до 1500 Тэв), встречные пучки протонов, и ядер давали все новые коротко живущие частицы с условными размерами всё ближе приближавшиеся к нулю, но это приближение вело к бесконечной бессмысленности.

Классификация более 500 открытых физикой частиц уже превосходит по иерархической сложности классификацию всего мира животных и растений. Попытка увязать фактически бесконечно долго живущие частицы (миллиарды лет) с мгновенно исчезающими в небытии, бессмысленна.

Алексеев был твердо уверен, что Природа Вселенной устроена просто и такой сложности первочастиц в ней не может быть по определению.

Он был большим поклонником Канта и помнил его основной тезис не сей счёт.

А тезис этой антиномии в изложении Канта гласит:

«Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого, Допустим (говорил он), что сложные субстанции не состоят из простых частей. В таком случае, если бы мы устранили мысленно все сложное, то не осталось бы ни сложных, ни простых частей, так как (согласно только что сделанному допущению) простых частей нет, иными словами, не осталось бы ничего...»

Логика Канта действовала на Алексеева почти магически.

Но не менее магическими были его многолетние исследования космической воды на Луне. Его лаборатория установила наличие таинственной длительно сохраняющейся памяти в этой воде. «Тропинка» вела к великим тайнам эволюции Вселенной... к полумистическим программам «самосборки» Вселенных...

Но и без всякой мистики ему не давали покоя полувековые события четвертой экспедиции РАН на Тибет. А мертвенный блеск окружающего лунного ландшафта через панорамное окно его кабинета только добавлял ему каплю за каплей безысходного пессимизма.

В те далекие времена целью экспедиции было исследование биополей знаменитого зеркала Времени. Но его друг по институту тибетский китаец Чун Ёнг, полжизни потративший на изучение хроник появления в здешних местах «снежного человека», по-тибетски дословно «метох кангми», а по-непальски – «йети», уговорил его отправиться на два дня в глухое соседнее ущелье. Там, по его данным, наступило «календарное время» появления Йети.

Понапрасну промерзнув на высоте 5100 метров целых трое суток, они «не солоно хлебавши», свернув бивуак, поплелись на базу, вверх по ручью, впадавшего в маленькое, очень глубокое озерцо. Они уже стояли на вершине хребта, и, окинув последним взглядом пустынный снежный пейзаж, сделали по несколько шагов вниз по крутому склону, как тут...

Словно удар тока, всё тело Алексеева пронзила мысль... Нет, не мысль, а чей-то приказ: «Оглянись»!...

Почти сбив следовавшего за ним друга, он кинулся назад... И за миг в до того пустой котловине увидел невесть откуда взявшуюся человеческую фигуру. Схватив бинокль, он четко различил «снежного человека», существо, покрытое густой бурой шерстью около трех метров ростом. Оно спокойно подошло к их месту стоянки, что-то там проделало и спустилось к озерцу. Алексеева, неоднократно видевшего массу фото и кинодокументов, поразила его походка, весьма нехарактерная для приматов. «Снежный» двигался, не просто выпрямившись, это была быстрая и уверенная поступь высококлассного легкоатлета. Перепрыгнув через валун, он опустил на колени, достал «ниоткуда» странное приспособление, взял пробу воды... У Алексеева почему— то именно так запечатлелось это действие, и стал легко подниматься вверх по склону к останцу, напоминавшему собой огромную человеческую голову. Друзья бросились наперерез, но силы были явно не равны. Они быстро запыхались и добежали до скалы, когда снежный человек уже входил в нишу, «в рот скалы» как говорил потом Чен

Странный примат давно их заметил, но явно никуда не торопился...

Повернувшись к ним, он спрятал у себя на груди предмет, очень напоминавший контейнер для взятия глубинных вод, подняв вверх две скрещенные руки, рыкнул что-то на прощание, сделал шаг назад и ...исчез в нише.

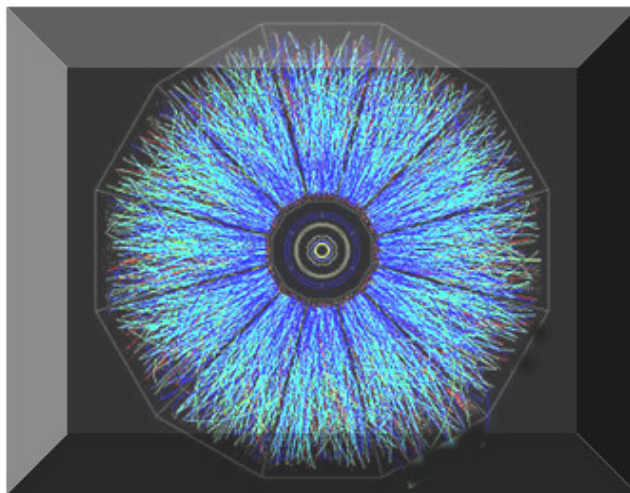
Добравшись, наконец, до места происшествия, друзья увидели перед собой глухой грот, не имевший никакого выхода. Все их старания обнаружить какую-либо щель, ни к чему не привели. Стена, через которую исчез йети, представляли собой сплошной гранитный массив...

На память друзьям остались полуметровые следы пятипалых ног на снегу, а внизу по крутому склону, где снежный человек вскарабкивался с помощью рук, отпечатки четырехпалых конечностей, с очень длинными пальцами.

– Смотри, кисть прямо как у пианиста, – заметил тогда Чен.

Алексеев тяжело откинулся в кресле...

Ему показалось, что он в последний раз видит чёрное лунное небо в выходном аварийном иллюминаторе своего кабинета и прекрасную тропическую оранжерею с тяжелыми каплями росы на свежих зеленых листьях, за светлой прозрачной стеной. На столе памятная голограмма, напоминающая сказочный цветок, почётный подарок от съезда космофизиков с пояснительной надписью на обороте: «Результат столкновения ионов золота на коллайдере тяжелых релятивистских частиц с энергией 100 Гэв. Тысячи линий – пути разлёта частиц от одного соударения»...

Алексеев тяжело улыбнулся...

Его и сейчас удивляло, как некоторые ученые, за вполне очевидными фактами не могут разглядеть суть процесса. Разлет эфемерных частиц золота – это очевидный внешний эффект... Почему никто не обращает внимание на еле видимую границу этого взрыва, напоминающую собой фронт ударной волны?

В пустоте нет ударной волны! Значит, ион золота формирует свою Золотую Вселенную в среде, где возможна ударная волна...

Что такое ПУСТОТА?

Куда ушел Йети? И зачем ему нужна была наша земная вода?

Что это за соседняя с нами цивилизация?

Эти вопросы мучили его всю жизнь и были постоянной неразрешимой сверхзадачей.

Николай Алексеевич последний раз взглянул на таинственную ударную волну голограммы и на не менее загадочную каплю воды на прильнувшем к окну зеленом листе оранжереи...

– Я сделал всё что смог, – подумал Алексеев и отключил автоматику кабинета, – Пусть другие сделают больше...

Рука потянулась к аварийной кнопке, которая странным образом оказалась посередине между двумя видениями, и привычным жестом открыла путь его беспокойной душе в глубокий, бездонный Космос, упорно оберегающий свои чёрные тайны... Бронированные стекла купола стали медленно расходиться.

С легким шипением истекающего воздуха сознание плавно отключилось...

Глава 1. «НИИ Временных связей»

По боксам лаборатории эволюционной экологии НИИ Временных Связей России проносился электронный шёпот – «ребята прячься, Авкуб возвращается»!

Его подал самодельный мини психо синхронизатор лаборанта Вана Авдеева, вмонтированный во входной люк лаборатории. Этот чудо прибор, настроенный только на биополе шефа – Алексея Алексеевича Алексева (по прозвищу АвКУБ), четко реагировал на эмоциональный настрой шефа и позволял всему небольшому коллективу авкубовских интеллектуалов, в меру сил, манипулировать этими настройками в своих мелких личных целях.

Авкубом эти остряки прозвали шефа не только по тройному древнему имени, но и по его самобытному отношению к трехмерному (кубическому) пространству, которое он считал основой всего Мироздания. И хотя каждый из них знал его как ученого-интеллекта в шестом поколении (он был правнуком творца современной Космобиологии), под горячую руку Авкуба попадать никто не имел желаний. А авдеевский прибор рисовал на виртуальных голографических дисплеях каждого бокса графики крайнего раздражения шефа.

А надо прямо сказать, шеф был ни просто не в духе, а вне себя от ярости. Он только что, как угорелый, выскочил из заседания Ученого совета института, где в очередной раз провалили его концепцию «параллельных эволюций». В голове вертелось почти единогласное заключение Совета – «концепция не осуществима, поскольку такого быть никогда не может».

– Эти выкидыши всемирного конкурса «QQ— интеллект» всегда точно знают, почему данная идея не осуществима. Лучше бы они соображали, как сделать так, чтобы необычная идея реально заработала, – яростно бормотал он, размахивая руками по ходу движения. Благо в коридоре было пусто.

И его эмоции имели основание для своего чрезмерного изъяснения. Современная наука стала заложницей системы подбора научных кадров. Основанная на порочных для фундаментальной науки принципе отбора по уровням эрудиции, она плодила, по большому счету, менеджеров от науки.

Достаточно было связаться с мировым сервером «QQ-интеллект», ответить правильно на 100 стереотипных вопроса:

Что? Где? Когда?

– по типу когда-то распространенной одноименной телевизионной игры, набрать коэффициент равный 1,0 – и сервер выдавал соискателю диплом доктора наук с направлением в ведущие научные центры мира.

Конечно, ответить правильно (с точки зрения компьютера) на все 100 вопросов, без солидной теоретической подготовки и в строго контролируемом реальном времени связи, было совершенно невозможно. Но беда в том, что сервер центра комплектовал систему вопросов, исходя из стереотипа современного уровня знаний, и в них полностью отсутствовала эвристическая составляющая. Поэтому в науку валом валили эрудиты, способные быть, в основном, оппонентами в научных спорах.

– Все вы вроде спарринг партнеров для чемпиона мира по боксу, – рубанул ладонью воздух коридора шеф.

– Вы точно знаете все его недостатки, но удивляетесь, как это он все-таки побеждает...

В общем, в мировой фундаментальной науке сложилась ситуация, известная Авкубу по воспоминаниям прапрадеда, которому тоже доводилось бороться с этой напастью, правда в ограниченных региональных масштабах. Тот подбирал контингент для своего института по одному принципу – «соискатель должен быть в чем-то умнее меня». В более широком смысле это означало, что, «если ты не умеешь что-либо делать лучше меня, я тебя не возьму на работу». Все это относилось и к ведущим научным сотрудникам, и к лаборантам, и к масте-

рам-наладчикам приборов. В результате школа, созданная прапрадедом, просуществовала до начала нынешнего XXII века, тогда как конкуренты, подбиравшие сотрудников «себе по плечу», как бы ученик меня не «переплюнул» и не сдёрнул с теплого кресла, давно исчезли с поля зрения науки.

Эта ситуация – «покажи шефу, кто из нас умнее» настолько импонировала сотрудникам лаборатории, что они даже изобрели собственный конкурс эрудитов (Ку-КУ интеллект) в противовес официальному, в базе данных которого скрупулезно записывались все проколы шефа с начислением очков сотруднику их зафиксировавшему.

Авкуб размашистым шагом прошел в свой бокс «размышлений», где было возможно принять биополе самонастраивающейся генерации, позволяющее не только снять стресс и расслабиться, но покурить хорошего табаку из полутора вековой курительной трубки – наследстве прапрадеда.

Курить во всем здании НИИ, также как и во всем городе запрещалось повсеместно уже более века. Но конструкция блока «размышлений» моментально улавливала дым и утилизировала никотин и смоляные масла в исходное сырье для производства медицинских и парфюмерных препаратов, аккуратно складывая пакетики отходов размышлений в бокс, который раз в месяц убирала уборщица-робот «тетя Маша» – очень работающая и покладистая конструкция.

Да, эффективность бокса Авкуб ощутил почти сразу. Пульс успокоился, и голова стала работать, как всегда, холодно и четко. Он усмехнулся, вспомнив свое заключительное слово, которое ему великодушно представил Председатель ученого совета.

– Господин председатель и члены Ученого совета, – сказал он:

– Я уже, видимо, ничем не смогу помочь нашему проекту. Вы, конечно, отлично понимаете, что целью его является не создание новой физики Вселенной, как кое-то из вас пытался это представить, а весьма скромная попытка (на основе новейших экспериментов) показать возможное существование экосистем с наличием в них параллельных эволюций.

Я вкратце напомню вам, что наш институт создавался как НИИ эволюции. Основной целью его было новое прочтение палеонтологической летописи на основе современных знаний и ликвидации на этой основе многочисленных нестыковок в дарвинистской теории эволюции, а также аргументация возникновения современного человека и его цивилизации.

Однако с появлением физических методов исторического исследования возникла иллюзорная возможность манипуляции временем по своему усмотрению. Изысканию эфемерных туннельных переходов в пространстве с целью заполучить задарма технологии будущего стали основной задачей института.

Я считаю такое направление застарелым идиотизмом прошлого века. Основывается он на положениях фундаментальной теоретической физики, в которой, вот уже более века, почитается относительность всего при абсолютности скорости света.

– Я не физик, я эволюционист и оттого мне совершенно ясно, что никакая скорость (как физическая величина) не может быть основой мироздания, не может им управлять и его организовывать.

– Вы же почти все тут физики или математики!?!...

Производная это же не аргумент! А скорость есть, всего на всего, производная отделения расстояния на время, или пространства на время... Основой Мироздания может быть только движение, что, согласитесь, не одно и то же.

– Вы считаете, что раз пространство создается скоростью, то им можно манипулировать, как угодно... Пятьдесят лет таких «манипуляций» не дали никакого результата. Пространство не только не сворачивалось в ТОЧКУ, но всегда оставалось самим собой. Что доказывает состоятельность противоположных теорий, по коим пространство – суть физическая субстанция, существующая сама по себе и независимая ни от каких-либо физических скоростей и тем более мнения наблюдателей!

Теория относительности спровоцировала многочисленные эксперименты в попытке совместить ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ в одной точке, в которой при скорости света время останавливается. Здесь можно перескочить из настоящего в будущее или прошлое, почерпнуть там «дармовые» знания и использовать их для сиюминутных целей. В космическом плане это полная чушь!... Никакая эволюция познания в этом случае невозможна.

Просто потому, что любая цивилизация, поступающая подобным образом, т.е. «слизывая» сливки высоких технологий у соседней, ничего не прибавляет к их общему увеличению.

Это равносильно общей сумме денег у игроков за игровым столом, которое остается неизменным, количественно перемещаясь по карманам присутствующих персон. И даже, если побеждает один из них, он не становится от этого богаче всего «игрового сообщества». Любой физической субстанцией, при соответствующих познаниях, возможно манипулировать. Но эти манипуляции не могут носить абсолютного характера. Они всегда будут относительными. И не в смысле «теории относительности», а относительно «теории вероятности»: мы всегда будем относительно больше знать про своё настоящее, меньше про прошлое и ещё менее про будущее.

И никогда не будем знать ВСЕГО.

Ибо в этом случае нам гарантирован полный КОНЕЦ цивилизации!...

И заглушая галдеж членов Совета, продолжал:

– Как я вижу, у господина Председателя мое выступление вызвало приступ смеха. Тем не менее, я ещё раз напоминаю вам, что независимо от концепций официальной физики, в нашей лаборатории имеются первые признаки сосуществования параллельного с нами мира. Вы интересуетесь, какого рода эти факты?

– Я отвечаю, что пока – психо-экстрасенсорного и оттого не обще доступны.

На что Вы, господин Председатель, великодушно советуете мне явиться пред очи Ученого совета, когда эти факты превратятся в физические, то бишь общедоступные, а пока не спотыкаться об массу виртуальных, так как это бывает очень больно... В общем сидеть и не высываться. Благодарствую!

Далее Авкуб не стал рассыпаться в благодарности Ученому совету за «науку», но в заключение, рассказал Председателю одну арабскую притчу.....

В одном халифате правящий халиф однажды задумался – отчего у нас давно нет спокойствия в обществе. Вроде бы и люди живут не плохо, да повсеместно происходят какие-то брожения в умах. То это им не годится, то другое плохо делается.

А у соседа сплошная тишь да благодать, хотя его подданные живут впроголодь и еле – еле концы с концами сводят...

Позвал он своего визиря и велел отправиться к соседнему султану с этим вопросом.

И как только визирь вернулся, халиф потребовал отчета.

Каково же было его удивление, когда визирь рассказал ему, что сосед не стал ничего объяснять, а повел его на пшеничное поле. Там он обнажил свой кривой меч и пошел по колосящейся пшенице. Как завидит колосок, поднявший голову выше всех других, он раз, мечом – и срубил его. Раз, другой – и срубил опять. И так до конца поля.

– Не знаю. Как Вы, Господин Председатель, а тот султан сильно задумался над этим докладом своего визиря, – сказал Авкуб и вышел прочь, хлопнув дверью.

Теперь уже А.А.Алексеев благодушно улыбался, вспомнив прощальный ошарашенный взгляд Председателя. Его моментально покрасневшее от подскочившего давления лицо, со взъерошенными седыми висками и розовой проплешиной на темечке.

– Сердитый ёжик, заблукавший в тумане, – подумалось Авкубу. И это настроение шефа, видимо, моментально зафиксировал сенсор Авдеева, поскольку в боксе «размышления» повис запрос на вход к нему лаборанта.

Порядки, заведенные директором НИИ в последнее время, запрещали, в целях экономии рабочего времени сотрудников, непосредственное общение. Разрешалась только видеотелефонная связь, продолжительность и содержание которой фиксировалось электронным секретарем и, в случае превышения лимита времени, разница автоматически вычиталась из общего рабочего времени, отработанного сотрудником, что непосредственно сказывалось на его зарплате.

Это обстоятельство поначалу сильно мешало Алексею Алексеевичу, привыкшему на своей бывшей работе (в НИИ Эволюционной Генетики) к живому диспуту с сотрудниками, когда на равных и «с глазу на глаз» обменивались идеями и умудренные опытом доктора наук и МНС (младшие научные сотрудники), и даже лаборанты, если им было что сказать по сути проблемы. Такой стиль работы иногда позволял решать стратегические вопросы исследований путем «мозгового штурма». Недаром Авкуб в научных кругах пользовался славой человека, способного решить практически любую экстравагантную задачу, которая для других кажется совершенно неразрешимой.

Оттого центральный сервер «QQ-интеллект» и перевел его завлабом в создаваемую, с нуля, на пустом месте, лабораторию СЭЭ – Стратегической эволюционной экологии, в этот самый НИИ Временных связей. На новую работу Авкуб захватил с собой и некоторых бывших сотрудников, часть из которых пошла за ним даже с понижением зарплаты.

– Вот и этот Ван Авдеев из их числа. Что-то ему приспичило: Блокируйте Секретаря и заходите!», – разрешил Авкуб.

Блокировка Электронного Секретаря – это их совместное с Ваном детище, основанное на новом, разрабатываемом принципе торсионной голографии, когда этот секретарь «видит» только объемную псевдо голограмму вместо материального сотрудника на его рабочем месте.

Запыхавшийся от бега Ван, выпалил сразу всё: «Алексей Алексеевич, ну, как Вы? Мы все заседание Совета для себя транслировали! Публика требует – «Вече»!

Под этим древнем термином кодировалось необходимость общего сбора лаборатории для решения принципиальных вопросов.

– Ну, раз публика требует, заводи вечевой колокол в моем кабинете, – разрешил Авкуб.

– Есть шеф, через пять минут все будет готово!

Именно столько времени надо Вану Авдееву, чтобы загрузить экспериментальный торсионный колокол над кабинетом шефа, отсекающий Секретаря и создать голограммы всех сотрудников лаборатории на их рабочих местах, для отчета тому же Секретарю.

Точно через пять минут Авкуб уже, как капитан, созерцал сосредоточенные лица игроков всей своей «футбольной команды», за исключением Вана, оставленного «вратарем» на страже входных ворот, а также присматривать за капризным поведением торсионного детища лаборатории, единодушно прозванного «Колотуром» за примечательную упертость в своем «самомнении».

Это интеллектуальное качество суперкомпьютера, основанное на физике безэнергетических биополей человека, усиленных и модулированных высокочастотными электромагнитными колебаниями, появилось в результате случайной ошибки.

Вообще – то данный экземпляр автомата был уже далеко не последней модели и потому его отдали во второстепенную институтскую лабораторию, коей и считалась лаборатория эволюционной экологии. По мнению директора института (и председателя ученого совета) ожидать каких-либо прорывов от копания в мусоре истории эволюции было бессмысленно. Другое дело свернуть поток времени в будущее, слизнуть там последние разработки по нано, био или космическим тематикам – вот это смак! А «завалюционную» (образец директорского юмора) работу можно возложить на самых ершистых сотрудников.

Так вот кто – то из таких списанных трудоголиков программистов, малость одурев от полуночных попыток запустить новую программу, совершенно случайно, частично закоротил часть торсионного контура прибора «самого на себя» по восходящей спирали. И сверхмощная вычислительная машина, превосходящая на 3 порядка мощность бывших электронных устройств, научилась «мыслить» самостоятельно, скопировав голографический принцип организации структуры головного мозга человека.

Благо ей часто представлялась возможность анализировать структуру «различных мозгов» при работе с биополями сотрудников лаборатории.

Поначалу все просто одурели от такой удачи. Однако нечаянная радость программистов, разочарованием. Рост интеллекта Колотура заметно отставал от «самосомнения» прибора на свой счет..

Так было и в последний раз, когда в процессор Колотура были заложены все известные на данный момент формулы теоретической физики, описывающие конфигурацию пространства Вселенной, с целью голографического изображения в наибольшем приближении к теоретически возможным вариантам. Однако аппарат упрямо, раз за разом, выдавал структуры, напоминающие вдвинутые друг в друга кубы. И хотя ушлые программисты многократно переписывали исходные данные, Колотур самостоятельно вносил в них свои коррективы, чтобы в итоге опять получить «вдвинутые кубы». Наконец агрегат оставили в покое с тем, чтобы в ближайшее время произвести его диагностику и отладку.

Тем не менее, именно Колотур был основой всего. Да и сама лаборатория, первоначально созданная как чисто эволюционная, вскоре была преобразована в психофизическую с привлечением не только ведущих биологов, психологов и

социологов, но и математика и физика, правда, из тех, что не вписывались в общую струю научной стратегии института.

Дело в том, что процессы и эффекты, которые синтезировал Колотур, не фиксировались никакими известными физическими методами, но при определенной мощности, «ощущались» сознанием любого человека, не говоря уже об экстрасенсах, которые также привлекались к исследованиям.

– Алексей Алексеевич, – начал старейшина, доктор психологии, Сергейчин, – мы уже обменялись мнениями и думаем, что нам следует пожертвовать частью своих ноу-хау, чтобы сохранить проект от полной ликвидации. Ведь доводы Ученого совета не имеют прямого отношения к содержанию нашей работы. Я думаю, что Вы напрасно ввязались в физическую дискуссию. Вам лучше, чем кому-либо другому известно, что все формулы и расчеты теоретической физики, как это не странно звучит, не имеют физического смысла.

Они выполняются по известному принципу современных теоретиков – «как понять то, что вообразить себе невозможно». Поэтому мы предлагаем действовать от противного: не вдаваться в теоретические диспуты, а представить наши экспериментальные разработки в, так сказать, «натуральном виде».

– Тем более, что я могу облачить наши расчеты в приемлемую для Ученого совета форму, – вставил математик Крус.

Авкуб задумался, он и сам уже не раз склонялся к такому исходу.

– То, что вы предлагаете, я мог бы...

Но не успел он закончить фразы, как в кабинете раздался резкий гонг программного сбоя. На экране видефона изобразилось встревоженное лицо Авдеева с выпученными от изумления, круглыми, как блюдца, глазами.

– Алексей Алексеевич, смотрите, что это!...

Затем глаза Вана закатились вверх, голова дернулась и исчезла с экрана...

Толпой ввалившись в лабораторию, все увидели лежащее без признаков жизни тело лаборанта и дымящийся от перенапряжения Колотур, по дисплею которого мелькали мало понятные геометрические знаки и фигуры.

Авкуб бросился к лаборанту, судорожно пытаясь нащупать пульс, и с трудом различил еле уловимую слабую пульсацию сонной артерии.

– Живой! ... Несите его в мой кабриолет...

Да, не туда!... Через резервный ход! Семён Семёнович, – крикнул он на ходу психологу Сергейчину, – Везём его ко мне домой, захватите все, что требуется. Врача не вызывать!...

Через считанные секунды, кабриолет, оставив иммерсионный след, растворился в воздухе.

Озадаченная «команда» срочно вернулась в лабораторию к самоотключившемуся Колотуру, который все еще сипел и издавал странный неприятный запах.

– Дядь Саш, что с ним? – обратился к наладчику автоматов аналитик Щегол.

– Сичаза заглянем... – Дядя Саша неторопливо снял кожух торсионной защиты, просунул усатую голову и половину туловища во внутренности аппарата, что-то побурчал и вылез.

– Фу, пахнет, как в конюшне на ипподроме! А блоки все целы...

– Чем, чем пахнет? – не поверил Щегол, но внутрь не полез, а принялся, – И, правда, запах, как в зоопарке...

– Вскрываем блок памяти? – Обратился он к математику.

– Авкуб срочно потребует отчет. Поэтому все, извольте, по рабочим местам и делайте умный вид для Ученого секретаря весь оставшийся день. И не болтайте меж собой!

Команда медленно разбрелась по боксам.

Аналитик и математик, с трудом наладив сбойную запись, всматривались в вибрирующие картинки. Сначала они ничего вообще не могли определить, – «сертифицировать», как любил выражаться аналитик Щегол.

Журнал работы Колотура регистрировал нормальное выполнение заданной программы. Затем, совершенно внезапно, был зарегистрирован некий провал, словно кто-то стер запись. Потом – фиксация перегрузки аппарата, сбой программы и самоотключение. Анализ технического состояния Колотура выдал его полную исправность: номер 1 – «для неограниченного использования в Космосе». Отсюда следовало, что провал записи является внешним воздействием на программу. Однако источника этого воздействия в каталогах памяти аппарата никак не прослеживалось. Поэтому исследователи вернулись к видеоряду процесса, от которого сразу было отказались из-за невообразимого для такого тонкого прибора, как Колотур, качества видеозаписи.

Наконец кое-как «слепили» видеоряд.

Вначале прибор исправно создавал голографические изображения сотрудников лаборатории на их рабочих местах, пунктуально повторяя позы и движения реальных прототипов, заседающих в это время в кабинете Авкуба, при этом заменяя аудио ряд (речь каждого из них) нейтральным текстом, весьма схожим по артикуляции.

Всё это должно было засекретить авкубовское вече от подозрительного Электронного секретаря. Но в конце записи голограммы вдруг исчезли, экран заполнили быстро меняющиеся полосы, как при ускоренной перематке, а затем появилась плохо различимая картина сумасшедших вихрей, красных и зеленых постоянно мельтешащих фигурок.

Откуда-то явилась черное пятно. Оно издало рык...

Фигурки замельтешили еще быстрее, их движение приобрело какой-то вектор, сузилось до луча.

Затем взрыв и... отключение Колотура из-за перегрузки.

Никакие способы обработки изображения на вспомогательной аппаратуре ни к чему не привели. Она отказывалась понимать код, в котором эти изображения было записаны.

Совершенно выбившись из сил к концу рабочего дня, Щегол с Крусом поникли за столом, как раз под приемным адаптером возвышающегося над ними Колотура, который ритмично мигал зелеными индикаторами готовности к работе, попеременно «взирая» то на одного, горе исследователя, то на другого.

Наконец он остановил «свой взгляд» на темечке Щегла и тому моментально пришла в голову, показавшейся сумасшедшей, мысль.

– Слушайте коллега! – обратился он к Крису. А что, если все это проделки нашего Колотура?

Математик удивленно поднял голову:

– Черт его знает! Все может быть, хотя раньше за ним ничего подобного не водилось. Он был способен только на мелкие пакости.

Щегол не смог сдержать улыбку даже в настоящей стрессовой ситуации. Он вспомнил, как Колотур «разыграл» Круса, представив ему голограмму очаровательной выпускницы математического колледжа, соискательницы места математика в лаборатории, которая действительно в этот момент вошла в кабинет Авкуба. Шеф предложил ей сесть и вежливо задал пару проверочных профессиональных вопросов. Аппарат, в точности изобразив эту очаровашку, со всеми телодвижениями и речью, весьма затрудняющей получения отрицательного ответа и, тем более, окончательного отказа.

Не известно, как все это подействовало на шефа, но Крус при виде девицы моментально потерял голову. Он даже не заметил, что голографическая красотка присела (за неимением кресла, в котором она сидела у шефа) в пустом пространстве и на таком уровне, что её прекрасные ножки, чуть прикрытые коротенькой юбочкой, упирались в вооруженный очками нос математика. И тем более он ничего не понял из её слов, поскольку это были ответы на вопросы шефа, а не на его заискивающее лебезение.

Сбежавшиеся на невиданное зрелище (невиданное оттого, что математик вообще не мог обходиться с девицами) авкубовцы, открыв рты, ждали развязки спектакля.

Она не заставила себя долго ожидать и наступила в самый неподходящий для математика момент. Именно тогда, когда тот уже собирался назначить девушке свидание...

Она, вдруг, сверкнув глазами, выпалила: «А вот это я передам папе»!

Все синхронно с отрицательным ответом шефа на её просьбу. (Потом оказалось, что её папа действительно – высокое министерское начальство).

Но в тот момент буквальное исчезновение «прекрасного видения» повергло Круса в такой глубокий шок, из которого беднягу целую минуту не мог вывести даже гомерический хохот всей лаборатории.

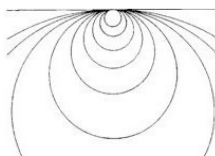
Поборов в себе неуместное в данной ситуации чувство юмора, аналитик сказал: «Если все это проделки Колотура, то он должен быть полон гордости за свое деяние.

Но как раз на этом можно и сыграть!

Быстро орудуя виртуальными джойстиком дисплея, он послал Колотуру следующий запрос – послание:

«О, Великий и мудрый, Колотур! Ты задал нам глобальную, неразрешимую для непосвященных, задачу. Помогая нам решить её, ты становишься самым нужным субъектом нашей лаборатории. От решения задачи зависит судьба твоей конструкции и конструкций всех приборов твоей серии. Мы покорнейше просим тебя описать весь процесс, стертый тобой в каталогах».

Колотур замигал индикаторами и выдал: «Для описания всего процесса моего великого исследования не хватает памяти».

Ответ разочаровал аналитика, но воодушевил математика Круса:

«Опиши только визуальный окончательный результат».

Колотур задумался на секунду, а затем выдал картинку.....

Странную голограмму, которая в распечатке на двухмерную плоскость выглядела примерно следующим образом.

Довольно помигав индикаторами, прибор самоотключился, оставив исследователей в растерянности.

Забрав голографическую запись и распечатку с собой, они задумчиво сели в грутакси и не заметили, как автомат доставил их до дома шефа.

Глава 2. Рассказ Авдеева и размышления Авкуба

Электронный сторож, обычно пропускавший их в дом без всякой задержки, на этот раз дважды сверил личные сертификаты со списком нежелательных посетителей, и только затем открыл дверь. Пройдя в гостиную, уставленную мебелью позапрошлого века, они увидели лежащего на кушетке лаборанта Авдеева, над которым все еще колдовали психолог Сергейчин с экстрасенсом Ивановым.

Ван уже пришел в себя, но ровно ничего не мог вспомнить с момента сбоя Колотура.

Даже, когда умудренный опытом Сергейчин показал ему видеозапись его лица с выпученными от изумления, круглыми, как блюдца, глазами и возгласом:

«Алексей Алексеевич, смотрите, что это»!...

Это не дало никакого психологического эффекта.

Авдеев только моргал и усилено морщил лоб, силясь помочь уважаемым старейшинам, но его память была младенчески чиста.

Пока робот— стюард угощал Авдеева расслабляющим питием, Сергейчин отозвал Авкуба в сторону, с тем, чтобы посоветоваться в плане применения к лаборанту более серьезных парагипнотических средств. Но прибывшие Щегол с Крусом, быстро ознакомив шефа со своими наблюдениями, посоветовали незаметно показать лаборанту принесенную ими странную распечатку.

Соответствующий приказ шефа робот-стюард выполнил с блеском фокусника.

Машинально следя за манипуляторами робота, убиравшим со столика поднос с бокалами, Авдеев внезапно увидел лежащий перед ним рисунок. По лицу его молнией промелькнула масса эмоций: от страха и удивления, до радости возвращения утерянных воспоминаний:

«Алексей Алексеевич, я вспомнил... Да, я все помню»!

И Авдеев рассказал, все, что вспомнил. Однако весь его рассказ, уложившийся в полторы минуты, не только не внес ясности в ситуацию, но и вообще запутал ситуацию еще больше.

По его словам выходило, что Колотуру «надоела» рутинная работа по синтезу голограмм несуществующих на рабочих местах сотрудников. Аппарат и раньше, в присутствии Авдеева, протестовал против теоретической алогичности присутствия двух идентичных голограмм в различных пространствах. И он, переняв психологию некоторых сотрудников (и особенно часто работавшего с ним Авдеева) просто отбывал номер в момент неинтеллектуальной (с его точки зрения) работы. Но вдруг, он спонтанно машинально так сместил векторы торсионных полей, что, вероятно, переместил пространство лаборатории к параллельному миру, о физическом существовании которого Вы, Алексей Алексеевич, только что докладывали Ученому совету.

— Я ясно помню, что стена лаборатории, как бы растаяла в пространстве, и из-за неё стали выскакивать зеленые человечки. Они что-то пытались мне сказать, прыгали и махали руками и жестами приглашали за прозрачную стену, через которую перепрыгивали туда и сюда.

И мне уже показалось, что я начинаю понимать их пантомиму, как из-за стены выскочило какое-то огромное черное чучело, похожее на снежного человека. Оно стало горстями ловить зеленых человечков и забрасывать их назад, за невидимую стену.

Потом (пот мелким каплями высыпал на его лоб) повернулось ко мне и сало быстро приближаться...

— А дальше я сразу увидел вас, Алексей Алексеевич, и вас, Иван Иванович!...

Авдеев опять уставился круглыми от удивления, как блюдца, глазами на шефа и экстрасенса.

— Да, — промолвил после некоторой паузы Авкуб,

— Сплошная фантазмагория... Ладно, ладно, не волнуйся. Мы тебе верим!

– А давайте, Алексей Алексеевич, еще раз рассмотрим запись процесса и пусть Ван нам прокомментирует все эти тени и полутени. Нам их все равно не понять, – сказал аналитик,

– И прибавит к ним свои ассоциации, – подхватил Сергейчин.

На том порешили, поудобней усадили Авдеева перед дисплеем со сверхмощным разрешением и стали по-кадрово листать невнятную запись.

– Только ты, Ванечка, сосредоточься и останавливай дорожку на всех подозрительных и памятных местах, – как мог, успокоил лаборанта Авкуб, – Ну, начнем, с богом!

Четкое изображение записи кончилось не вдруг, как бывает при выключении адаптера, а постепенно стало уходить на задний план и рассеиваться. Затем по экрану забегали интерференционные полосы, всё быстрее и плотнее, словно надвигалось какое-то другое мощное когерентное биополе. Картинка уплотнялась и расцветивалась красными и зелеными сполохами, но оставалась такой расплывчатой, что позволяла только работать воображению наблюдателя и не оставляла никаких четких образов.

Ван напряженно вглядывался в красные пятнышки. Поймав стоп кадром один из них, он увеличил изображение при максимальном контрасте, придал ему вертикальное положение, и посмотрел на присутствующих.

– Похож на человечка?

– Да, нет. Это скорее пятиконечная звездочка или морская звезда, – заметил аналитик, хотя уже точно знал, что это не просто бред, поскольку он полностью соответствовал и «ощущениям» Колотура, который их также идентифицировал «как человекоподобные объекты».

Беззвучная видеорама записи нарушалась только прерывистым дыханием того, записанного на голограмме, Вана Авдеева.

Этот же, вообще, кажется, не дышал и всё более и более тревожился, что его не поймут и поднимут на смех.

– Ну, смотрите, так вот же они прыгают за стену, а вот выскакивают обратно!

Звездочки, и правда, то появлялись, то исчезали. Но на остальных наблюдателей это производило никак не большее впечатление, как от зрелища обычного звездного неба в не очень ясную погоду.

– Ага! А вот теперь смотрите! – радостно тревожно вскрикнул Ван и указал на появившееся черное пятно.

Пятно приобрело форму чернильной кляксы, стало увеличиваться в размерах и закрывать своими «конечностями» зеленые звездочки.

– Это ОН их всех поймал, – констатировал Ван и весь сжался в ожидании...

Далее синхронно прозвучали два крика (на записи и в комнате),

– Алексей Алексеевич, смотрите, что это»!...

– Алексей Алексеевич, смотрите, что это»!...

И действительно там было на что посмотреть...

Изображение, попеременно меняясь четкими кадрами с туманной голографией, уже не оставляло простора для фантазий. Черная фигура, заслонив собой экран, надвинулась на Авдеева. Она, превратившись в нечто напоминающее огромного медведя!

«Дыхнула» на Вана сгустком биополя, которое запись воспроизвела как рев запускающегося авиадвигателя...

«Сдула» неподвижное тело лаборанта, вместе с тяжелым креслом, в сторону...

«Уселась» в воздухе за пульт Колотура и, в момент, перепрограммировала автомат.

На экране молнией пронеслась последняя картинка ослепительной вспышки, взвыл сигнал аварийного сбоя и прибор отключился...

– Ну, что, коллеги, есть какие мысли на этот счет? – Авкуб окинул взглядом молчаливую компанию.

– Приходится констатировать, – продолжил он, – Что Колотур каким-то образом материализовал наши теоретические расчеты параллельного пространства, тем самым доказав перспективность нашего же, только что отвергнутого проекта.

Я сейчас уже не в обиде на «математических членов» Ученого совета, поскольку, как сказал один из корифеев прошлого, «математика – это мельница, которая перемалывает все, что в нее заложено». И, исходя из этого алгоритма, никто не в силах ничего доказать противной стороне.

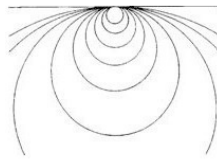
У нас же теперь имеются кое-какие фактические данные.

Мне многое понятно в этой «невнятной» записи. Вот только неизвестен финал сцены...

– Алексей Алексеевич, есть идея, – встрепенулся математик Крус, – Я сейчас отправлю последние кадры записи Колотуру с «нижайшей просьбой», как мы уже это один раз со Щеглом проделали, обработать их по той программе, которую он применил при видеоформатировании своих соображений в первом случае. Как Вы, конечно, заметили это не просто отформатированный кадр, а пиктограмма образа, сложившаяся в его торсионном колоколе.

– Хорошо, а пока давайте сюда этот снимок, – сказал Авкуб, и сев за голографический экран, позволяющий воспроизводить голограммы в обычных чертежах трёхмерного изображения, несколькими взмахами электронного стило изобразил ряд концентрических сфер, имеющих одну общую точку.

– Смотрите, что нам изобразил Колотур на загадочной криптограмме.

Во-первых, в очищенном от фантазий автомата виде, динамику изменения представленных им сфер, при наличии минимального воображения, можно интерпретировать вот таким образом.

То есть, смотрите на рисунок..... С увеличением радиуса окружности, она, в бесконечности, превращается в прямую линию. А сфера, следовательно, – в так любимый мною куб.

И не обращая внимание на ухмыляющиеся физиономии сотрудников, продолжал,

– Во-вторых, Колотур докладывает нам, что он обнаружил, как минимум, два параллельных пространства.

– В-третьих, эти пространства, хотя и схожи на первый взгляд, имеют принципиальные отличия. Почему у него один человек красный, а другой зеленый? Версий тут множество, но одна, самая экстравагантная – это пространства с альтернативными торсионными полями, т.е. спин (вращение) в них имеет противоположный вектор.

– В-четвертых, противоположные векторы вращения праматерии, по всей видимости, должны образовывать сферы различной геометрии. В данном случае это явно зеркальные отображения, то есть минимально возможные из геометрических различий. Это обстоятельство возможно означает наименьшие энергетические затраты на преодоление границы между ними.

Скорее всего, это смежное с нами пространство!

При этом эффект перехода Колотур зафиксировал, как электромагнитный или какой-то другой разряд...

По привычке покрутив жесткий вихор седеющих волос, он в задумчивости продолжил:

– К сожалению Колотур не показал нам способ связи этих сфер, но видимые Ваном в состоянии транса, перепрыгивающие через стену человечки могут свидетельствовать о такой возможности.

И, если это, хотя бы наполовину так, все постулаты общей теории относительности, заведшей теоретическую физику в безвыходный тупик, в котором человечество потеряло минимум сто лет прогресса, можно, наконец, забыть. Я, как вы знаете, не физик и не математик и для меня математическая запись физического процесса аналогична китайской грамоте. Для меня важна прямая физическая суть явления и его последствия для экологии и биологии. Поэтому, как не возражает мне наш прекрасный математик Крус, я подхожу к этому кризису с философской точки зрения. Тем более, что ещё Нильс Бор в своем послании потомкам завещал, что «новая физика должна включать в себя сознание».

Есть такая присказка: «Гениальный человек – талантлив во всем». И гениальный физик Бор солидарен с гениальным создателем теории эволюции Ламарком в том, что высшие ступени эволюции, в любой её форме, не достижимы без участия в физических процессах фактора сознания.

Про забытые особенности теории Ламарка я расскажу при случае в другой раз.

А в данный момент мне самому интересно, в чем эксперимент Колотура «нарушает» стройную систему мироздания современной физики.

Поэтому попрошу нашего физика Соколова Сергея Сергеевича просветить нас в этом вопросе.

– Только для того чтобы прийти в себя после эксперимента Колотура, – с готовностью начал физик, – Давайте вспомним основные положения физики Вселенной, как следствия теории относительности.

Эта теория постулирует три ограничения в строении Вселенной:

– это предельно допустимая абсолютная скорость движения, что само по себе весьма странно для теории почти всеобщей «относительности»;

– сам принцип относительности любого движения, в зависимости от точки зрения наблюдателя;

– и принцип эквивалентности, который, обратите внимание, не позволяет отличить гравитацию от электромагнетизма, т.е. вместо того чтобы дать их характеристики, заведомо утверждает, что разницы в них нет никакой, во всяком случае в плане перемещения в пространстве.

Для нас это особенно интересно в связи с эффектом Колотура. Ведь, если мы (я обобщаю) в параллельном мире имеем антигравитацию – это одно, а если анти материю – это совсем другой «коленкор».

Тогда дело совсем «швах», как говорят расчётливые немцы. В этом случае депортация материи в параллельное пространство невозможна по факту неизбежной аннигиляции нашего вида материи в момент перехода в антипространство.

Правда, перепрыгивающие туда-сюда человечки говорят нам, что в данном параллельном пространстве нет ни того, и ни другого...

Это конечно подаёт некоторую надежду на успех нашего мероприятия, но истина всё-таки дороже. Поэтому я отвергаю это релятивистское ограничение и смею утверждать, что гравитация и электромагнитный импульс имеют разную природу, может иерархически связанную.

Прошу прощения за некоторую самонадеянность, но я просто убежден, что скоро мы, на прямом опыте, подтвердим правоту Ньютона, который считал, что гравитация появляется в момент структурирования массы и распространяется мгновенно по всей Вселенной, а не со скоростью света, как на том упорно настаивает теория относительности.

Тем более, что ядерная и квантовая физика раньше представляла невероятные для этой теории факты. Время мимолетной жизни π -мезонов составляет чудовищно мгновенную вели-

чину в 10 наносекунд, но за этот миг они проходят весьма значительное расстояние в 30 км. Из простого расчета следует лишь один вывод: скорость π -мезонов составляет 100 скоростей света.

И только сейчас нам удалось провести прямые измерения скорости сверхзуккого лазерного луча в средах различной оптической плотности космоса между Землей и Марсом. И сразу выяснилось, что скорость света естественно меняется в зависимости от плотности среды, а в космосе может «в разы» превышать «абсолютную» скорость света.

При этом правило сложения скоростей в классической механике не нарушается!

У меня в связи с этим возникает вопрос: что это обстоятельство дает нам в возможном контакте с параллельным миром?

– Отвечаю: мы можем соизмерять скорости любого относительного движения по правилам классической механики. То есть, имеющимися у нас на данный момент средствами, синхронизировать пространство и время в наших мирах.

Что нам, видимо, и продемонстрировал Колотур.

Физик обвел взглядом присутствующих, и извиняясь за лекцию, продолжил:

– Я не хочу злоупотреблять вашим вниманием, но не могу остановиться на ещё одной детали.

Если абсолютная скорость света, является ложным абсолютом, то также ложным является утверждение, что скорость света определяет размерность пространства Вселенной и, таким образом создает пространство. Оттого Вселенная не может быть больше той размерности, которую достиг, на сей момент, свет от «первородного взрыва», а именно – больше 14 миллиардов световых лет.

До того Вселенная была пуста и за этим пределом существует та же пустота.

Моя точка зрения совпадает с новыми веяниями в физике, «новизна» которых слово в слово повторяет философские каноны древней Греции, что Вселенная вовсе не пустота, а «физический вакуум» – высший объект вечного движения, который включает в себя все остальные объекты и является первопричиной всего сущего.

В связи с этим следует заметить себе «небольшую разницу» – не скорость суть основа мироздания, а ДВИЖЕНИЕ.

Физическое движение, в том числе и ДВИЖЕНИЕ МЫСЛИ!

И что-то подсказывает мне, что движение мысли само по себе значительно более того, чем оно нам сейчас представляется.

В связи с этим пространство – это то, что простирается во все стороны неограниченно и имеет базовую и локальную кривизну, зависящую от знака и силы гравитации.

Время – это то, что длится в пространстве и появляется вместе с ним, а не создается скоростью света. Так мне кажется! Конечно кажущийся эффект не всегда равнозначен физическому.

Именно так мы привыкли думать.

Но эффект Колотура заставляет меня усомниться в этой прописной истине. А в случае равенства в этих понятиях, мне становится не по себе...

Остается только полагаться на древнюю русскую поговорку: «Крестись, коли кажется»!.

Скоро нам, весьма очевидно для меня, предстоит доподлинно узнать, как можно перемещаться в пространствах безинерционно и безэнергетически.

Кроме того мне думается, что...

Зачарованные сотрудники не смогли услышать последнего откровения лекции физика, потому что в комнате раздался благозвучный сигнал поступления голографического сообщения.

Все уставились на выросший в воздухе цветок, который его творческое Величество Колотур обозначил,
«как очень приблизительно огромное – БАХ!»...

В аксонометрии на плоскости изображение тоже впечатляло!

Глава 3. «Сновидения Авкуба»

На следующий день, придя на работу, Авкуб уже застал лабораторию в полном составе, тесно сгрудившуюся вокруг Колотура и наперебой предлагающую математику, как «расколоть», то бишь заставить, аппарат выдать ноу-хау его вчерашних самостоятельных изменений в программу исследований. Но Колотур только мигал красно-желтыми индикаторами, блокирующими открытие файлов внесенных им изменений. И никакие ранее проходившие приемы, типа:

«О, Великий и Мудрый...!» не оказывали на него никакого воздействия.

Как только математик начинал вводить очередной входной дифирамб, загорался мигающий зеленый индикатор ожидания. Но стоило только Крусу изложить суть просьбы, вспыхивали желто-красные огни отказа.

Насмотревшись на эту комедию, Авкуб приказал включить сенсорную связь с аппаратом и голосом, не вызывающих никаких возражений приказал:

– Дядь Саш, ну сколько раз Вам говорить, что аппарат давно нуждается в профилактике?

Давайте, быстренько отключайте автономное питание и запускайте полное форматирование зависших торсионных блоков!

Дядя Саша, с лету уловил мысль шефа, с готовностью крикнул:

– Лексей Сейч, сей момент сделаем!

Не прошло и секунды, как Колотур быстро-быстро замигал всеми цветами радуги своих индикаторов и голосом Авдеева доложил: «Автомат 1—01 к работе готов»!

Лаборатория уже было расцвела букетом довольных ехидных улыбок, как Крус, открывший засекреченные Колотуром файлы, почесал свой затылок:

– Алексей Алексеевич, да тут сотня— другая гигабайт шифров!

– Ну, вот вам всем и настоящая работа, подключайтесь по своим каналам к Колотуру и вперед, завтра жду синтетического отчёта.

Не проявившиеся до конца улыбки исчезли с лиц сотрудников и заменились решимостью и искренним любопытством.

– А я к себе, мне нужно кое с кем посоветоваться. – И шеф увильнул от черновой работы.

Уединившись в боксе размышлений, Авкуб надел шлем всемирной голографической видеотеки, настроился на историю знания, отобрал из массы данных все, что касалось пространства, времени и нестандартных открытий и стал внимательно просматривать тему за темой.

Особенность этой видеотеки, только что разрешенной министерством образования ко всеобщему массовому использованию, заключалась в том, что визуальный и звуковой ряды в ней отсутствовали. Поэтому содержание файлов можно было и не читать, и не слушать. Достаточно было просто расслабиться и их содержание, точно во сне, переносилось в память жаждущего новых познаний. Но в отличие от сновидения всякий мог не только вспомнить содержание «сна», но и, если требовалось, фотосенсировать любой фрагмент и даже дословную цитату.

Шефа в первую очередь интересовали восприятия древними пространственно временных связей и «божественность» их реального проявления, запечатленных в легендах практически любого этноса. Перейдя на работу в НИИ временных связей, он быстро понял бесперспективность современных физических приемов исследования пространства и времени.

Во всем мире на научные «релятивистские» исследования тратились огромные средства в попытках методами «бесконечной энтропии» найти переход от электромагнитных полей Максвелла к гравитации. Но при экспериментальном снижении энергии этих полей до предела возможных физических измерений электромагнитный эффект исчезал, а гравитационный никак не хотел увеличиваться.

И хотя еще Эйнштейн почти два века тому назад заявлял о создании теории единого «унитронного» поля, воз и поныне был там же.

Направление квантовой механики, базирующееся, наоборот, на сверх высоких энергиях, давало нескончаемый ряд дискретных «элементарных» частиц, все меньшей массы и заряда, но который только на бумаге (в расчетах) приближался к континууму (т.е. к непрерывности), все время оставаясь дискретным физическим явлением.

Авкубу постоянно не давала покоя прощальная заповедь Нильса Бора. Что под сознанием понимал великий физик, знал только он. Но Авкуб точно осознавал, что к разгадке тайны невозможно подойти со стороны традиционной физики. И поэтому следует двигаться с противоположного конца – сознания человека, как вида (*Homo sapiens*), которое весьма возможно и есть легендарное торсионное поле со всеми выше изложенными «сверх естественными» возможностями.

Оттого Авкуб решил еще раз «пересмотреть» воззрения древних на интересующую его тему, поскольку хорошо знал, что истина – это не только «хорошо забытое старое», но просто «неправильно понятое».

Сенсорный шлем, уловив интерес Авкуба, считанный им с характеристик его биополя, начал выдавать, в виде заставок, краткие голограммы содержания записи. И как только мозг клиента подавал индекс заинтересованности, сенсор разворачивал в его воображении более подробную картину – содержание.

Авкуб начал, было с библейских сказаний и книг нового завета, но быстро убедился в их примитивизме, связанным с перезаписью «божественных откровений» с более древних эпох, а также и в, основном, из-за заказной корректуры христианских боссов, переписывавших «историю» под свои нужды.

В результате он ничего интересного для себя не нашел, кроме примитивных фокусов Христа, ходящего по воде или ловащего электромагнитным тралом рыбу в озере. Современная физика уже имеет сверхчистую воду, правда в ограниченном лабораторном количестве, по которой (из-за сверх высокого поверхностного натяжения) можно не только ходить, но и кататься на коньках. А чрезмерно эффективные современные способы лова морской рыбы ставятся международными организациями под запрет дальнейшего их усовершенствования, в целях сохранения естественных биоценозов океана.

Обновляя в уме содержание и суть государственных религий, чередом представляемых ему услужливым сенсором, он не переставал удивляться, отчего мировые религии так похожи друг на друга (как все человечество целиком) и так соответствуют имиджу нации, создавших их.

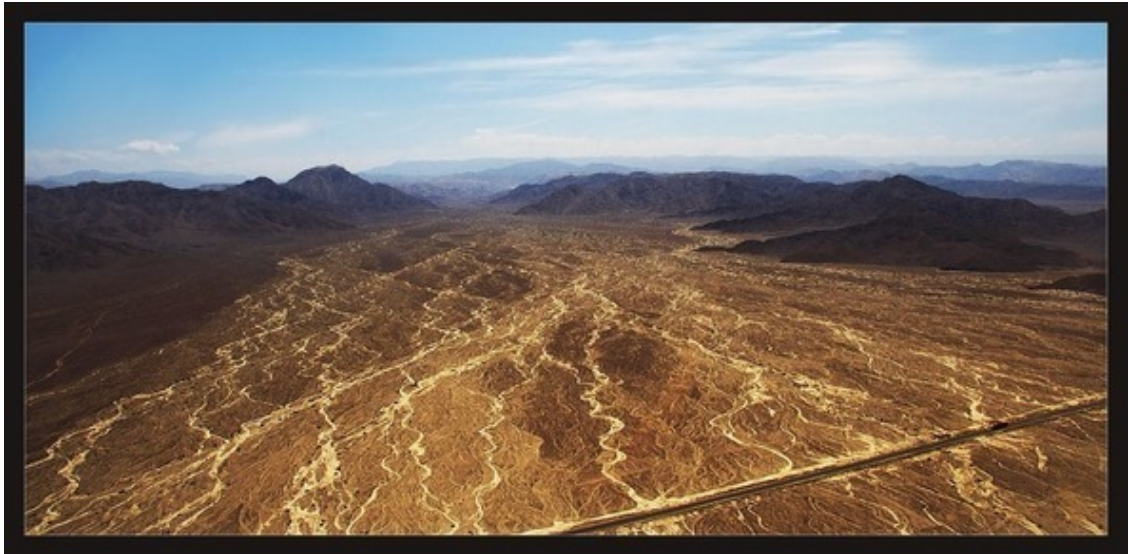
Наиболее полно это обстоятельство проявилось в самом просвещенном по тем временам государстве халдеев, в «варварской» религии которых «Боги происходили из мира, а не мир от Богов». Халдеи обожествляли человека, а не наоборот...

Авкуб про себя удивился «халдейской» пронизательности. Ведь каждый религиозный аспект, рассматриваемый в содержательном духе, указывал на вектор построения любой религии снизу вверх, от человеческого сознания индивидуума к общему духу. И чем древней была религия, тем эта ситуация была очевидней. А суть в том, что первобытный человек, создавая бога по своему образу и подобию, и принимая во внимание ограниченность производственных мощностей того времени, не мог даже помыслить, что одно лицо может быть и жнец, и швец, и на дуде игрец. Поэтому он распределил основные производственные обязанности между целым сонмом богов. И только после того, как евреи придумали одного единственного бога, ему предписывается полная многостаночность.

Понятно, что единый бог для церкви это много проще по части затрат энергии на проповеди и богослужение. Попробуй все число псалмов и разных молитв помножить скажем на 10,

не перепутав что к чему или кому. С ума можно сойти от перенапряжения! Тем более, что богов может быть в различных религиях множество. У японцев, в синтоизме, их аж до 800 000!

Еще раз разочаровавшись в невозможности обрести хотя бы зерно истины в божественном знании, он зафиксировал для себя один легендарный факт: практически во всех верованиях любого народа (от ацтеков до славян) имеются легенды о пришествии богов – инопланетян. При этом всюду отмечается их появление с неба (ниоткуда и из ничего), точно так, как это представлено в живой голограмме приземления космолета в пустыне Наска на Тихоокеанском побережье Перу, на космодроме далеко не ровным как стол, даже наоборот, окруженном достаточно высокими отрогами Анд

Авкуб отметил про себя общий вид космодрома (верхний снимок), как не слишком удачный для приземления крупного космического судна, хотя четкая отсечная полоса разметки космодрома не оставляла сомнений в направлении посадки.

А стрела времени (второй снимок), как он сразу же отметил про себя её конфигурацию, показывала в голограмме сенсора место приземления, на которое в клубах дыма и пыли, с чудовищным грохотом, сейчас приземляется космолете.

Авкуб краем сознания про себя отметил наличие грохота. Если это не фантазии сенсора, то как раз соответствует легендам.

Без шума и гама «небесные боги» не могли себе позволить появиться на глаза аборигенов.

Но если отбросить шумовые эффекты, то за внешними аспектами проглядывалась некая закономерность. Не удобное расположение космодрома в горной местности говорило об избирательности этого местоположения. Оно было, видимо, единственным на Земле во время этой космической одиссеи.

Уловив неподдельный интерес Авкуба к голограммам космодрома, сенсор моментально сфантазировал зрелище высадки не одного бога, а целого экспедиционного отряда Строгих, но Справедливых, Всемогущих, но Добрых. Не теряя времени, они повсеместно стали творить грандиозные чудеса и в меру сил обучать им местные полудикие племена, строго пресекая всякое сопротивление их ноу-хау.

Авкуб про себя усмехнулся правильности их тактики. Он неплохо знал менталитет человечества, которое и в современном ему веке, больше всего уважало силу, не говоря уже о первобытном обществе. С человечеством пришельцы разговаривали с позиций «доброй силы», всегда обещали вернуться и помочь в трудную минуту, если оно (человечество) будет «хорошо себя вести».

Однако космолеты показались Авкубу чем-то архаичным. Колотуровский эффект требовал других параллелей, ближе к паранормальным способностям.

Автомат сенсора моментально выдал справочную информацию:

Левитация, в буквальном переводе с санскрита (в индийских Ведах) означает «знание». В ведах содержится даже практическое руководство по левитации для «левилетчиков», которое описывает, как привести себя в такое состояние, чтобы оторваться от земли.

Но за прошедшие века, к великому сожалению, значение многих древнеиндийских понятий оказалось утраченным, поэтому перевести эту бесценную инструкцию на современный язык невозможно. Это сожаление сенсора сопровождалось красочными голограммами поз мудреца, радужными разливами цветовых гамм чакры и тонкостями посылы «мягкой энергии».

Недовольно пропустив это красочное ревью, Авкуб приказал автомату сосредоточиться на любых фактических данных этого рода.

Аппарат тут же откликнулся справкой: «Что касается древних левитантов, то, согласно дошедшим до нас многочисленным свидетельствам, они поднимались в воздух на два локтя от земли – около 90 сантиметров. Причем делали это вовсе не для того, чтобы поразить кого-то такими чудесами, а просто потому, что «парящее» положение более удобно для исполнения религиозных обрядов. Наряду с Индией левитация в древности практиковалась также в Тибете. Буддистские тексты повествуют о том, что, после того, как в 527 году нашей эры в тибетский монастырь Шаолинь пришел индийский основоположник дзэн буддизма Бодхидхарма, он научил монахов управлять энергией тела – непременному условию для полетов. Пользовались левитацией и сам Будда, и его наставник маг Саммат, которые могли часами оставаться висящими в воздухе.

Вероятно, что и в Индии, и в Тибете искусство левитации сохранилось до наших дней.

Недаром все современные туристические агентства в своих проспектах прозрачно намекают на такое шоу: «на высокогорном плато Чанг-Танга один из буддистских монахов, сидя неподвижно с подогнутыми под себя ногами, пролетает десятки метров, касается земли и вновь взмывает в воздух, словно отскакивающий после сильного броска мячик. Взгляд его постоянно устремлен вдаль – на «путеводную звезду», видимую в свете дня только ему одному».

Вот только из побывавших в туре по Тибету никто ни разу не зафиксировал подобное видео.

Авкуб хотел было поменять тематику, как сенсор подбросил ему информацию о европейских левитантах. У средневековых европейских левитантов была одна характерная особен-

ность. В отличие от восточных брахманов, йогов и лам никто из них специально не стремился овладеть искусством левитации и не готовился к полетам. Обычно они взмывали в воздух сами по себе, будучи в состоянии восторженного религиозного экстаза, даже не думая о таких мелочах, как левитация.

Если обратиться к относительно более достоверным фактам, то в числе первых официально зафиксированных левитантов следует назвать святую Терезу, монахиню-кармелитку, свидетелями полетов которой были, не мало, не много, аж 230 католических священников, собрание которых сенсор начал было изображать (фантазировать) в деталях.

Авкуб пресек его самодеятельность и автомат с неохотой выдал официальную справку: О своем необычном «даре» она рассказала в автобиографии, датированной 1565 годом. «Вознесение приходит, как удар, неожиданный и резкий, – пишет она, – и, прежде чем ты можешь собраться с мыслями или прийти в себя, тебе кажется, будто облако уносит тебя в небеса или могучий орел на своих крыльях... Я вполне осознавала себя, чтобы видеть, что нахожусь в воздухе... Должна сказать, что, когда вознесение оканчивалось, я ощущала необыкновенную легкость во всем теле, словно я совсем невесомая».

Для Авкуба наиболее любопытно было то, что сама святая Тереза не хотела летать! Долгое время монахиня-левитантка отчаянно молилась, чтобы Господь избавил ее от этого знака своей милости. В конце концов, молитвы кармелитки были услышаны и полеты Терезы прекратились.

Самым известным «летающим человеком» был Иосиф Деза (1603—1663), прозванный Купертинским по названию его родной деревни в Южной Италии. Он с детства отличался необычайной набожностью и поначалу был отдан в монастырскую школу к капуцинам. Но одной набожности для ученика такого заведения оказалось мало. Деза был малость туповат к постижению премудростей богословия и его из монастыря выгнали. Тем не менее, уже будучи сапожником, он всячески истязал себя, дабы испытать состояние религиозного экстаза. Такое почти ежедневное радение в честь Всевышнего не могло не быть незамеченным католической церковью. И после того как Деза был принят в орден францисканцев, он от избытка счастья стал действительно впадать в экстаз. Однако дело осложнялось тем, что в таких случаях он взмывал в воздух.

Однажды это произошло перед глазами самого главы католической церкви. Иосифу специально устроили аудиенцию у Папы Урбана VIII. Впервые лицезрев его святейшество, он пришел в столь восторженное состояние, что поднялся в воздух и парил до тех пор, пока присутствовавший при этом глава ордена не привел Иосифа в чувство, дернув за ногу, и опустив на землю.

Более ста случаев левитации Иосифа наблюдали тогдашние ученые, оставившие на сей счет официальные свидетельства. Но поскольку эти полеты смущали верующих, в 1653 году Иосифу приказали удалиться из Ассизи в отдаленный монастырь. Однако уже через три месяца его перевели в другую обитель, затем в третью, четвертую...

Новость о приезде «чудотворца» моментально распространялась по всей округе, и к обители стекались толпы людей, чтобы полюбоваться первыми полетами человека. Наконец Иосифа перевели в монастырь в Озимо, где летом 1663 года он тяжело заболел, а 18 сентября того же года умер.

Через четыре года он был канонизирован.

Всего же, как свидетельствуют церковные записи, количество людей, демонстрировавших на глазах верующих явление левитации, приближается к трем сотням. Из русских левитантов можно назвать Серафима Саровского, архиепископа Новгорода и Пскова Иоанна. Московские летописи повествуют о юродивом Василии, который не раз на глазах у толпы переносился неведомой силой через Москву-реку, пытаясь утихомирить кровавый богатырский бой, стенка

на стенку, на льду реки в честь наступления масленичной недели. За что и был прозван Блаженным.

Число таких уникамов в народе гораздо выше, поскольку церковь в число официально признанных левитантов не включило ведьм и колдунов. Сколько их сожгла на костре святая инквизиция, не поддается учету.

Этот факт Авкуб взял на заметку в базе данных своего «сонного» сознания...

С наступлением эры «всеобщего просвещения» левитанты не исчезли. Наиболее известным летающим человеком XIX века был Дэниел Дуглас Хьюм.

Редактор одной американской газеты так описывает его первый знаменитый полет: «Хьюм вдруг стал отрываться от пола, что явилось полной неожиданностью для всей компании. Я взял его за руку и видел его ноги – он парил в воздухе в футе от земли. Борьба самых разных чувств – попеременные всплески то страха, то восторга заставили Хьюма содрогнуться с ног до головы, причем было видно, что он потерял дар речи в этот момент. Через какое-то время опустился, потом снова взмыл над полом. В третий раз Хьюм поднялся к самому потолку и слегка коснулся его руками и ногами».

Позже Хьюм научился левитировать по собственному желанию. В течение сорока лет он демонстрировал свое уникальное искусство перед тысячами зрителей, в числе которых были многие тогдашние знаменитости: великий насмешник Марк Твен, император Наполеон III, известные политические деятели, медики и ученые. И ни разу не был уличен в мошенничестве.

Впрочем, Дэниел Дуглас Хьюм – далеко не единственный, кто ставил в тупик ученых. Так, в 1934 году англичанин Морис Вильсон, много лет тренировавшийся в искусстве левитации по методике йогов, решил огромными прыжками, взлетая над землей, покорить вершину Гималаев – Эверест. Его замерзшее тело обнаружили в горах на следующий год. До вершины Вильсон не «долетел» совсем немного. Но то, что он смог в одиночку без специального альпинистского снаряжения преодолеть труднейший маршрут, говорит в пользу левитации.

Авкуб подал импульс завершения раздела, но автомат, следуя своей программе, втиснул ремарку: Несмотря на многочисленные случаи левитации, она воспринимается как чудо или в лучшем случае как загадочный феномен, граничащий с фантастикой и противоречащий научным законам. И эта оценка не изменится до тех пор, пока не будет найден ответ на главный вопрос: какова природа той силы, которая поднимает человека в воздух?

Пропустив мимо ушей нравоучение автомата, Авкуб дал ему задание на справку о других проявлениях парапсихических способностей человека. Сенсор «обиделся» и выдал самую краткую информацию из возможного.

Телепатия— передача мыслей и образов на расстояние без помощи физических органов чувств между принимающим и передающим индивидуумом (редуктором и реципиентом). Этим свойством обладает практически каждый, но немногие могут правильно и осознанно воспринимать и передавать информацию.

Каждый из вас может вспомнить случаи из своей жизни когда, например, упорно думаешь о человеке и он появляется. Или когда при диалоге вылетает такая фраза: «Ты читаешь мои мысли! Я хотел сказать тоже самое!» Большинству такие случайности кажутся весельем, но мало кто задумывался о том, что это вполне свойственно человеку.

Ясновидение – сверхчувственное восприятие, при котором используется астральное зрение. Все живые существа, предметы и все формы вещества имеют свое энергетическое поле, свою ауру, в состав которой входит и астральная аура, излучающая колебательные волны очень высокой частоты в виде так называемых астральных лучей. Эти астральные световые лучи воспринимаются астральным органом зрения человека совершенно так же, как обыкновенные световые лучи —физическим органом зрения. Так как астральные световые лучи проходят через материальные предметы, то самые плотные тела являются прозрачными для опытного ясновидящего. Такой ясновидящий может видеть сквозь тело находящегося вблизи от него человека

и наблюдать работу его внутренних органов; может различать цвета различных частей ауры и таким образом определять качество мыслей. При ясновидении в пространстве человек может видеть людей, предметы, места и происшествия на большом расстоянии.

Однако вся эта информация, с точки зрения сенсорного автомата, была неполной без раздела под рубрикой «вчерашний случай в семье».

Не давая Авкубу вмешаться, он представил свой «любимый» галофильм из великого множества подобных...

Женщина отдыхает, сидя в кресле, вдруг из стены появляются два молодых человека и, пройдя через всю комнату, и не обращая никакого внимания на хозяйку, выходят в противоположную стену. Оторопев от страха, она крикнула мужа. Тот с усмешкой выслушав сбивчивый рассказ жены, собрался было идти досматривать бейсбольный матч, как вдруг через прихожую галопом проскакало стадо бизонов, преследуемое шайкой белых переселенцев, палящих направо и налево из ружей. Ошарашенные хозяева брякнулись на пол, вдыхая пороховой дым и тараща глаза на пятно крови раненного бизона, которое медленно исчезало битую минуту.

Биолокационное обследование квартиры экспертами службы чрезвычайных ситуаций, вызванные по телефону 919, показало, что как раз в том месте, где проскакало стадо, было пересечение двух очень мощных геопатогенных полос.

Очарованный этим вестерном в стиле Алфреда Хичкока, знаменитого режиссера позапрошлого века, Авкуб уже не ущемлял самодеятельности автомата и тот, был рад стараться угодить абоненту, выдав целый спектр качественных в художественном отношении голограмм.

Первая – под названием «Дроссолидес», что переводится с греческого как «капельки влаги», представляла собой хрономираж, достаточно регулярно происходящий в действительности на побережье острова Крит в середине лета, обычно в предутренние туманные часы. На голограмме кадры собирающейся рано утром у моря возле замка

Франка-Кастелло полусонной толпы туристов. Но просонь моментально улетучивается с их лиц, когда из тумана возникает огромное «батальное полотно» – сотни людей, сошедшихся в смертельной схватке. Слышны крики, звон оружия. Загадочный мираж медленно надвигается со стороны моря и исчезает в стенах замка.

Что это?

Историки говорят, что в этом месте когда то произошла битва между греками и турками: ее изображение, заблудившееся во времени, и наблюдается над морем.

– Так может, правы исследователи, которые уверены, что изучение «Дроссолидеса», и других хрономиражей может не только приоткрыть тайну физических свойств времени, но и научит нас, как путешествовать в прошлое или будущее? – подумалось Авкубу.

И тот час же обратил внимание на что-то знакомое в ряде голограмм, представляемых сенсором.

Тихим вечером на другом берегу реки Волги в излучине Жигулей в легкой туманной дымке встает город – старинный град Китеж, обнесенный крепостной стеной, за которой золотятся и слабо поблескивают купола церквей. Городские ворота закрыты, а по стене города ходит стража в доспехах, вооруженная луками и копьями. С высокого правого берега реки хорошо видны дома жителей, суeta на улице и дымки из труб, уходящие высоко в небо.

Зачарованному Авкубу, чьи предки когда-то жили в этих местах, благодарный за такую реакцию сенсор подбрасывает следующий факт.

14 июля 1911 года с римского железнодорожного вокзала в круиз, устроенный фирмой «Санетти» для богатых итальянцев, выходит новенький прогулочный поезд из трех комфортабельных вагонов. 106 пассажиров с восторгом осматривают достопримечательности участка железной дороги с живописным горным ландшафтом. Поезд медленно, шипя паром, приближается к супердлинному туннелю.

И вдруг начинается нечто мало вразумительное. По свидетельству двух пассажиров, успевших выскочить на ходу, все вдруг покрылось молочно-белым туманом, который по мере приближения к туннелю густел, превращаясь в вязкую жидкость, в которой медленно растворялся поезд. Вот прошла секунда, другая... Поезд вошел в туннель и... пропал...

После этого происшествия туннель заложили камнями, а во время войны в него попала бомба.

Возможно, об этом случае и забыли бы, если бы трехвагонный призрак не появился... недалеко от села Заваличи Полтавской области на переезде дежурной Елены Спиридоновны Чебрец.

Поезд с наглухо закрытыми шторами, открытыми дверями и пустой кабиной машиниста двигался абсолютно бесшумно, давя разгуливающих по полотну и ничего не подозревающих кур.

Исследовать этот феномен прибыл председатель комиссии по изучению аномальных явлений при АН Украины В. П. Лещатый. В его записях, датированных сентябрем 1991 года, есть мысль, что поезд каким-то образом прошел сквозь время. Лещатый сделал анализ верхнего слоя, покрывающего стены и окна вагонов. Это оказалось вещество, по свойствам похожее на порох.

25 сентября 1991 года председатель комиссии Василий Петрович Лещатый подстерег загадочный поезд на переезде в селе Заваличи. Вот он прыгнул на подножку призрака и... больше его никто не видел!

Оценив неподдельный интерес своего голограммозрителя, аппарат продолжил свои открытия.

– Никого не может оставить равнодушным сообщение, которое напечатали многие газеты мира.

24 сентября 1990 года экипаж норвежского рыболовного траулера (капитан Карл Йорген Хае) обнаруживает в Северной Атлантике невысокий айсберг, на котором в бинокль он видит мечущуюся в панике раздетую молодую женщину. То есть относительно одетую, принимая во внимание нулевую температуру воздуха, но в платье по моде начала XX века! Ее осторожно доставляют на судно, и она заявляет изумленной команде, что является пассажиркой... «Титаника», чудом спасшейся в ночь кораблекрушения.

«Она была очень взволнована и время от времени впадала в истерику, – рапортовал позже капитан Хае.

– Она считает, что после катастрофы прошли всего сутки, и что сейчас 15 апреля 1912 года». Однако в тот момент он просто лишился дара речи.

Винни Коутс, как назвала себя спасенная, выглядела очень похудевшей, изможденной, но не постаревшей. Она утверждала, что вступила на борт «Титаника» в Англии, в Саутгемптоне, откуда лайнер отправился в роковое плавание. В сумочке, которую она крепко держала в руках, капитан Хае обнаруживает билет на «Титаник».

Женщина ни за что не хотела поверить, что с момента гибели корабля прошли десятки лет. Весь путь до Осло она устраивала истерики, требовала вернуть ее на «Титаник».

Проверка документов в морских архивах Англии принесла сногшибательное известие: действительно, в списках пассажиров «Титаника» значились имя и фамилия Винни Коутс.

В порту Осло таинственную пассажирку встретили врачи и поместили в клинику для обследования. Ее много раз выслушивали психиатры и психологи. Ее повествование многократно записывали на пленку, и никаких отступлений от первоначального варианта, который она сообщила капитану Хасу, не было. Почти десять лет психиатр Джи Холланд и еще 27 специалистов вели наблюдения над этой пассажиркой:

«Несмотря на мой многолетний профессиональный опыт, я не могу классифицировать ее состояние как психическое заболевание и не могу дать логическое объяснение ее поведению. Все это вне логики и вне медицины. Я бы никогда не поверил тому, что говорю сейчас сам: у нас всех создается впечатление, что эта женщина действительно пребывала в анабиозе или находилась в каком-то вневременном состоянии в течение 78 лет, пока ее не сняли с айсберга».

Из застывшего в созерцательности Авкуба вывел беззвучный вопрос сенсора: типа «чего изволите далее»?

Далее Авкуб запросил историческую научную информацию о теориях пространственно – временных отношениях во Вселенной и Мире.

– И желательна в альтернативе дискретного и непрерывного, – в слух приказал он.

Сенсор согласно мигнул индикатором и выложил самую (с его точки зрения) злободневную информацию.

– Идея о наличии заполняющих собой всё пространство неперемещающихся дискретных элементов материи восходит еще к античности, а именно, к амерам Демокрита. Согласно ему существуют атомы и пустота, из которых состоит вся окружающая нас действительность. Атомы, и пустота образованы амерами, элементами вездесущей материи. Реальному пространству Демокрит приписывает атомистическое строение, отрицая из него непрерывность и бесконечную делимость. В качестве истинной праматерии выступают амеры.

Дальнейшая логическая реконструкция взглядов Демокрита могла с точки зрения Авкуба выглядеть так:

Амеры – неделимые, недеформируемые, неперемещающийся материальные образующие элементы пространства, без них пространство не существует, амеры заполняют собой всё пространство без наложений и промежутков.

Все перемещающиеся частицы вещества в каждый момент своего движения состоят из все новых неперемещающихся частиц материи – амеров.

Амер меняет свое состояние.

Последующие состояния у всех амеров возникают одновременно, как по команде.

Вне множества амеров ничто не существует.

– Чем разнятся неперемещающиеся амеры? Ясно: не зарядом, не массой, не спином, не энергией, не импульсом, но только своими внутренними состояниями. Взаимодействуют только смежные амеры, остальные амеры не взаимодействуют.

Сенсор, способный к некоторым обобщениям излагаемого материала, считал, что если убрать из теории Демокрита некоторые философские нестыковки, то она опишет строение вселенной много точнее теории относительности, основной философский парадокс которой, не замеченный за нагромождениями математики:

Вселенная конечна, но безгранична – равнозначен абсурду, аналогичному существованию яйца без скорлупы. Между «чем-то» и «ничем» всегда имеется пограничная, переходная зона.

Основной нестыковкой философии амеров у Демокрита была их одинаковость. При этом, они должны быть и бесконечно малыми и бесконечно большими. А раз им одновременно положено быть «всем и ничем», то они должны быть безмерными и, скорее всего, не могут быть одинаковыми. А раз так, то и не могут быть и неподвижными.

– Я не знаю, как с древне греческого переводится «а-мер», – продолжал обобщать знания древних сенсор,

– Но у меня сложилось «подсознательное впечатление» от симбиоза латинской приставки «а» -в смысле отклонения, удаления, с русским словом «мера», в сочетании читаем, как «безмерный». В таком случае нам придется признать, что пространство (физический вакуум)

не может состоять из дискретных частиц, как бы малы они ни были, и не может быть ничем измерен!

С другой стороны физический вакуум не может нести какую-либо энергию. Он должен быть безэнергетическим. Он не может представлять ни скопище частиц, ни электромагнитные волны, и в тоже время не является пустотой, которая кроме всего прочего проводит свет, электричество и рассеивание любой энергии.

Чего совершенно невозможно ожидать от ПУСТОТЫ, поэтому...

Я, сенсор, знаю, чем заполнено пространство физического вакуума!

Это должно быть ДВИЖЕНИЕ...

А единственный вид всеобщего движения – вращательное движение.

«Представляется мне» это движение вот так... в виде разнонаправленных вихрей, словно сменяющиеся цвета радуги на сфере мыльного пузыря: постоянно перетекая друг в друга. При этом о размере вихря говорить не приходится, поскольку он есть и ноль и бесконечность, он есть настоящий «А-МЕР». Прошу внимательно осмотреть мой рисунок!... Это примерная схема вращения нановихрей, амер, т.е. схема направлений из которых состоит МИР.

Очевидная непримиримость разных теорий вот уже более двух тысячелетий является камнем преткновения для науки. Сколько сил и жизней было потрачено на доказательства своей правоты, но каждый так и оставался при своем мнении...

Шеф задумался, и сенсор моментально подыграл его воображению.

Авкубу «приснился» сон, в котором верховный жрец бога солнца египтян Ра рассказывает ему притчу о последнем имени бога:

Всемогущественный Ра имел много сотен имен и каждое его последующее имя окутывала более глубокая тайна, поскольку её знание давало над ним какую-то власть, а знание его последнего имени давало над ним власть неограниченную. Она-то, эта власть, и была нужна великой и коварной богине Изиде, которая, чтобы получить ее, создала и наслала на бога кусливого змия. Ра не мог погибнуть от ядовитых укусов, но страдания от боли были настолько нестерпимы, что он, корчась в судорогах, выдавал ей одно за другим свои потаённые имена.

С тех пор прошли тысячелетия, но Изиде до сих пор не узнала последнего имени бога Ра, хотя от своих замыслов не отказалась...

– Не так ли в процессе познания мира постоянно поступаем и мы, ибо, что такое наши попытки заглянуть внутрь вещей и явлений, как не требование, предъявляемое к природе, назвать свое последнее имя, – хотел спросить Авкуб жреца, но тот только взмахнул рукой и исчез, сделав прозрачной стену в покоях Изида.

А богиня кружилась в бесконечно прекрасном танце...

Фантастический танец изящной, изворотливой и коварной красавицы вроде бы подсказывал ему что-то...

Её контрастные па и резкие жесты остановок сменялись плавными очаровательными пируэтами и Авкубу казалось, что богиня прямо намекает ему на...

Шеф поморщился в досаде на себя и «во сне проснулся»: современная физика дошла, как говорится, «до ручки» в своем беспрестанном усложнении материи. Открытие все новых и новых частиц уходит вглубь микромира, а выявление новых структур космоса – в обратную сторону. Расстояние от микромира до макромира становится катастрофическим— разрыв свыше 30 порядков вниз и 30 порядков вверх.

Настолько могущественно есть устройство Вселенной!

Ведь между человеком и атомом – всего 10 порядков. Их можно представить в виде одного геометрического «этажа» организации. А если таких «этажей» несколько и один вложен в другой и один служит атомом для другого...

«Гипомикромир» вместе с «гипермакромиром» для нас безнадежно недостижим!

Даже во сне голова шла кругом от перенапряжения.

Почему все открытия ведут только к усложнению материи?...

Он опять «заснул во сне» и Изида опять закружилась в вихре сложного танца... Быстрее... быстрее... и быстрее...

Потом вдруг замерла, улыбнулась в глаза Авкубу, и медленно, три или четыре раза, повторила своей очаровательной ножкой всего два коротких «па» – движения, из которых состоял этот, казалось такой сложный, танец.

В спящем сознании шефа промелькнуло что-то давно знакомое и вместе с тем никогда не виданное...

Остроконечные готические крыши домов, мощёные камнем узкие улочки, величественное здание, большая студенческая аудитория, внимающая заключительным фразам профессора кафедры логики и метафизики Кёнигсбергского университета, человека в черной мантии, с бледным лицом и высоким лбом, который не могут скрыть букли парика... Эммануил Кант поворачивается к Авкубу и, пристально глядя ему в глаза, наставительно произносит:

«Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого»...

Потом Авкуб видит, как он «во сне просыпается» в своем доме и оживший над ним портрет прадеда, поглаживая его по голове, говорит:

А знаешь, Алёшка, что тебе сказал великий метафизик:

«Все простые явления подчиняются единым термодинамическим законам. Поэтому мы можем управлять реальным физическим временем и пространством так же просто, как мы управляем, например, температурой!»

Сняв с головы шлем сенсора и протерев глаза, Алексей Алексеевич откинулся назад в кресле, услужливо принявшем удобную форму.

От сознания упорно ускользала какая-то идея, что во всей этой мешанине теорий и вымыслов кроится некая тайна бытия, которую мы, человеки, не знаем, но которая тесно связана именно с Мыслью?

Ведь что мы мыслим, то и делаем!

А что, если тут есть и непосредственная связь.....

Последним движением приказал сенсору довести реферат сеанса до сведения сотрудников лаборатории и погрузился в девственный сон праведника, постигшего нечто не вполне осознанное, но что-то очень важное и определяющее.

Глава 4. Как «раскололи» Колотура

На следующее утро свежий, и как будто бы даже не прошедший целую ночь, с глазу на глаз, с сенсором, Авкуб принимал, входящих по одному сотрудников лаборатории. В их взглядах не читалось радости от новых открытий, а сквозила некая растерянность.

– Ну, что братцы приуныли? Кто смелый, начинайте! – приободрил их шеф...

– Разрешите начать мне, – после некоторого замешательства вызвался голограммист Сидоркин.

– Давай, только по порядку и без прикрас, особенно про то, что видели и ощущали, – предупредил Авкуб.

– Хорошо, я попробую, – согласился Сидоркин и начал.

– Сначала я взял на вооружение Ваш прием, чтобы заставить Колотура выдать шифр по голограмме. И автомат с готовностью воспроизвел его. Мы долго пытались расшифровать записи, но всякий раз происходил прокол при переходе от общих мест к какой-либо конкретике. Так продолжалось битых три часа, пока аналитик не разгадал игру аппарата. Колотур всякий раз забывал открыть очередной шифр. Поэтому Щегол перед очередной заминкой произносил, громко и уверенно, Ваше заклинание про отключение автономного питания.

– Однако Колотур каждый раз опять забывал, сколько программных шифров он использовал. И всякий раз бессовестно уверял, что открыл последний, – вставил Щегол.

– Часа через два, – продолжал Сидоркин,

– Мы всю запись с грехом пополам расшифровали. И выяснилось, что Колотур исправно и пунктуально исполнял заданную программу по торсионной защите пространства лаборатории от электронного секретаря. Он несколько раз отразил его попытки проникнуть вовнутрь колокола. Но в какой-то момент мощность постороннего воздействия на поле Колотура стала импульсивно возрастать. Автомат отключил основную программу и установил мощный поток неизвестной энергии, идущий совершенно с другого направления.

– Математический анализ плотности и векторных характеристик импульса показал, что его структура не имеет ничего общего с понятиями квантовой механики. Видимо оттого, что мы имеем дело не с движением частиц, а с вращением каких-то «проматериальных» полей. При этом не столь важно направление их вращения, сколь интересен эффект закручивания (уплотнения) или раскручивания (рассеивания). И Колотур нашел физический способ создания левосторонней или правосторонней «резьбы» для направляющей этих полей.

Конечно, это только теоретические наброски к реальному управлению процессом, но автомат, ни под каким видом, не хочет выдавать суть ноу-хау, считая его вполне патентноспособным, а свою персону – единственным автором и патентодержателем.

– Ай, да, автомат! Вот умница – интеллект явно не на уровне членов нашего Ученого совета, – не удержался Авкуб.

– Что вполне логично и наша задача – «расколоть» Колотура и заставить его выдать идею «резьбы», – не уловив насмешки, сосредоточенно заметил математик Крус.

– Иначе нам потребуется на то же самое годы дополнительных исследований,...

– Экстрасенсорное восприятие голограммы импульса походило на сближающиеся воронки противоположного направления вращения. При соприкосновении их, правосторонний поток перетекал в левосторонний, в форме восьмерки, – отметил экстрасенс Иванов.

– Что в нашей практике психофизических исследований никогда раньше не наблюдалось, – задумчиво произнес Сергейчин.

– Как раз в этот момент перетекания воронок Колотур ввел какой-то операнд и в пространстве возникла голограмма мутно серой прозрачной плоскости (стены) за которой пока-

зались маленькие зелёные человечки (так нам это представилось), – живо, словно вновь все увидев, не удержался аналитик Щегол.

– «Зеленые» поначалу вроде бы тоже удивились, потом начали махать «руками», словно приглашая к себе. Потом стали подпрыгивать, пытаясь пройти сквозь «стену». Но у них ничего не получалось. Тогда «старший» из них притащил к «стене» нечто вроде детских качелей на перекладине и они, как в цирке, прыгая вдвоем на одну сторону, перебрасывали кульбитом соотечественника на нашу половину пространства. Трое или четверо из перемахнувших через стену, направились к центру вращения нашей воронки и тут в голограмме появилась лаборатория с Ваном Авдеевым за пультом Колотура.

Ван ничего не замечая, судорожно барабанил по пульта управления. «Зеленые», стремительно увеличиваясь в размерах, почти уже вошли в лабораторию, как вдруг, на той стороне сверкнул молниеносный разряд, и возникло существо, которое мы все обозвали потом «снежным человеком», за почти полное сходство с имеющимися в наших картотеках изображениями.

Это было человекоподобное существо высотой около трех метров, сплошь покрытое черно-бурой шерстью. Шерсти не было только на лице. Поэтому нам всем показалось, что это лицо человека «мыслящего». Во всяком случае, оно имело высокий лоб и его украшали большие глаза, в которых светилась четкая мысль – человеческое негодование.

«Снежный» рыкнул на «Зеленых», мигом схватил их в охапку и «забросил» назад, за стену. Потом он шагнул к Вану, одним движением отбросил его в угол, сел за пульт Колотура и, как классный оператор, задал программу на парковку аппарата.

– У него пальцы, как у пианиста, – вспомнил Ван Авдеев,

– Да, он словно проиграл мелодию, ни разу не взглянув на клавиатуру... А пальцы у него... Да, пальцев у него было четыре! На обеих руках... по четыре!

Потом встал, рывкнул на меня и пошел через стену, которая уже стала почти невидимой, – заключил Ван...

– Больше я уже ничего не видел...

– И это всё? – спросил разочарованно АвКУБ.

– Да почти всё, что зафиксировала голограмма, а только комфортное биополе излучения у «Зеленых», и дискомфортное – у «Снежного», – добавил математик.

– Не густо, – задумчиво пробурчал Авкуб,

– А поскольку нам математика с физикой ничего прояснить в данной ситуации не могут, давайте послушаем, что говорит на сей счет современная философия, – заключил Авкуб.

– Я хочу представить вам нового нашего сотрудника, доктора философских наук, социолога Аркадьева.

– Вам слово Аркадий Аркадьевич...

И не реагируя на смешливый шорох лаборатории, зарегистрировавший появление еще одного АвКУБе, социолог с видимой охотой включился...

– Я позволю себе начать с двух цитат: *«Величайшая истина в том, что накопившиеся и лежащие в беспорядке факты начинают приобретать некоторую стройность, если бросить на них гипотезу»* (Герберт Спенсер)

И ещё: *«Можно смело утверждать, что все известные нам физические явления получают свое начало в глубинах материи, и потому искать причин и законов явлений мы должны не на материи, не между материей, а в ее самых отдаленнейших от нашего восприятия областях...»* (А. Чижевский).

Последнее непосредственно относится к исследованиям торсионных полей. Сейчас с их помощью слагают новейшие научные теории, лечат, получают металлы с необычными свойствами. Экспериментальной наукой накоплен достаточно обширный материал по проявлениям этих полей. Но разумного объяснения их природы до сих пор и нет.

Одна из первых попыток, дать единое объяснение природе торсионного поля, была принята в «Физической теории вакуума». Создатели этой теории предложили считать, что торсионное поле образует некая квантово-механическая величина – спин, которой квантовая механика наделила всякую элементарную частицу. Если спины частиц имеют какое-либо преимущественное направление, то говорят, что объект спинполяризован.

Но вот беда...

В настоящий момент никто до конца не знает, что такое спин. Существует мнение, что спин связан с собственным моментом количества движения частиц, с их вращением, но такое представление входит в противоречие с постулатами теоретической физики. Линейная скорость вращения атома превосходит скорость света – альфу и омегу теории относительности. Чтобы избежать возникшего противоречия, в квантовой механике принято лукавое решение – считать спин просто квантово-механической величиной, особо не углубляясь в его природу.

Правда, тут могут быть возражения.

Ведь признаем же мы электрическое поле, порожденное неведомым для нашей науки зарядом. Да, но в этом случае нам известен посредник, носитель заряда, электрон?

Именно благодаря этому посреднику и существует электричество! А что касается спина, то тут посредник науке не известен. Ну, нет такой частички, которая была бы переносчиком единичного спина! В переводе на нормальный язык спин – это как дырка от бублика, завуалированный квантовой механикой момент вращения.

Эта величина лишь говорит, что НЕЧТО должно вращаться, чтобы породить торсионное поле...

– Уважаемый доктор философии, – перебил Аркадьева, воспользовавшийся его временным замешательством, математик Крус.

– Тупики теоретической физики и математики известны нам всем и, как мне кажется, Ваши попытки выйти из них с помощью той же физики и математики обречены на очередную неудачу. Поэтому я бы хотел услышать от вас что-то вроде «философских тетрадей» по поводу возможных прорывов в неведомое...

Аркадьев, уловив совсем не прикрытую иронию в словах математика, вначале, было осёкся, но быстро взял ускользающую мысль в свои руки:

– Да, вы, пожалуй, правы... Пирог не может печь сапожник, а сапоги точить пирожник...

Философии не свойственно вдаваться в детали. Поэтому вернёмся далеко назад в историю, в пятый век до нашей эры, к Зенону из Элеи, которого Аристотель считал основателем диалектики, как искусства постижения истины посредством спора или истолкования...

К его критике понятия дискретности.

Наша физика до сих пор оперирует только понятием дискретности материи. Все тела и частицы в пространстве перемещаются, так сказать, скачками или квантами.

Но энергия в очень малой степени соответствует принципу дискретности. Она ближе к континууму (от лат. *continuum* -непрерывное). Оттого как-нибудь сносно увязать дискретное и непрерывное физика не в состоянии. И в нашем случае перемещения к «параллельным», в возможно бесконечное пространство, она также оперирует километрами и секундами, или их производными.

Это противоречие Зенон уже более 2500 лет назад сформулировал, как постулат «против множественности». Само название говорит за то, что Зенон видел парадокс абсолютной дискретности (бесконечной делимости целого на части) точно также, как и современные наши физики.

Правда, в отличие от наших физиков, надеющихся таки найти «частицу бога» – перво-частицу, Зенон считал, что целое возможно дробить на составляющие бесконечно долго. При этом видел в этом глубокое диалектическое противоречие. По нему выходило, что «если делить

целое бесконечное число раз, то оно, будучи как угодно мало, становится бесконечно большим, поскольку делится бесконечно»...

Давайте вспомним его знаменитый парадокс про то, что быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху, поскольку, как только он с ней поравняется, она за это же время пройдет некоторое расстояние... и опять... и опять... все также до бесконечности. Этим он пытался доказать вообще отсутствие принципа движения, как такового, но доказал только странную непрерывность системы пространства-времени, которое имеет такие точки переходов! Сейчас мы столкнулись с наблюдаемым и ненаблюдаемым не в абстракции, а на самом деле, что ни на есть, яву. Мы работаем с био и торсионными полями, которые не наблюдаются физическими приборами, однако нащупали методы воздействия на них, комплекс которых позволяет опознать, буквально, вещь в себе, а именно, принцип перехода из одного смежного пространства в другое.

В аллегории – реальность стучится в двери нашего сознания, но не следует путать эти звуки с самой реальностью: она за дверью, и мы не можем открыть ее и непосредственно созерцать то, что находится за нею. Однако, если дверь не открывается от толчка (физическими способами) есть возможность пройти сквозь неё...

Для нас это беспрецедентно!

И я не знаю, как это осуществить, но природа это знает и, очевидно, знала давно, вернее знала всегда...

Онтологической основой мироздания, мира как такового (вечного, бесконечного, никогда не возникавшего и не исчезавшего) является, скорее всего, позабытый физикой эфир. В нём процессы, приводящие к возникновению вещества, идут в направлении: континуальный вакуум, поле, вещество. То есть, в направлении космологического вектора развития. Эти процессы идут с уменьшением энтропии.

Континуальный вакуум, имеет первичный статус, поле, имеет вторичный статус и дискретное вещество, имеет третичный статус. Особо обращаю внимание на обратимость процессов. При конвергенции (схождении) торсионное поле уплотняется. При дивергенции – поле рассеивается.

Для нас важно, что рассеивание и уплотнение унитарона – основа любой депортации.

Вот так мне подсказывает моя философия, а не наша физика. И всё что мы видим и ощущаем физически, есть, по сути, первичные сгустки энергии унитаронных (торсионных) полей и не более того.

Я сейчас скажу, может быть, нечто маловразумительное, но...

Ни скала или море, ни человек или вирус, ни закон или мысль сами по себе не есть более чем сгустки этого поля!

– Ну, вот вам господа пример того, что есть философ и философия, – смог втиснуться в передышку, взятую философом, Авкуб,

– Все «вымыслы и домыслы» разложены по полочкам и предельно ясны с точки зрения этой мудрой науки. Выходит, что мы не состоим из материальных частиц, а представляем собой облако торсионных, каким-то образом вырванную и временно стабилизированную часть бесконечности...

Право слово даже как-то обидно за себя... Вроде бы столько лет все считают тебя сложившейся личностью, а ты на самом деле случайный вихрь... этакое дуновение Вселенной!...

Но, пожалуй, в чем-то конкретно наш профессор прав, раз физикой процесса у нас управляет автомат, а не мы сами... Давайте выкладывайте свои соображения (если они есть): каким образом Колотур «обскакал» нас всех в эксперименте.

Напомню вам, а особенно новичкам лаборатории, что собой представляет Колотур. Это, по большому счету, далеко продвинутый прибор, позволяющий не только измерять «плотность времени», но и манипулировать ею с соответствующим физическим и математическим анали-

зом этих модуляций. Подобные приборы создавались и раньше, но их рабочие органы (зеркальные спирали) выполнялись, как и в прадедовские времена, из полированного алюминия или стекла. Отражательная способность этих изделий была невысока из-за механических огрехов и физических свойств материалов. Настоящие спирали Колотура выполнены на основе нанотехнологий из тончайшей пленки чистейшего алюминия методом самосборки, отвечающих форме гармонических колебаний биополя человека. Мощное воздействие Колотура позволяет фиксировать «воображаемые» события в реальном времени и исследовать их составляющие за счет огромной мощности его вычислительной машины. А последнее введение интеллекта позволило автомату самопрограммироваться и даже осуществлять некоторые спланированные им самим эксперименты.

Результаты очередного из них, так ошарашили нас...

Поэтому, ещё раз прошу всех, высказаться на сей счет.

Давайте начнем с анализа результатов наших экспериментов с Колотуром.

Я попросил бы Вана показать нам график работ...

Ван Авдеев заложил в сенсор кристалл записи, и в воздухе повисла объемная голограмма базы данных с таким множеством показателей, что лаборатория неодобрительно загнула.

– Я сейчас поясню, – спохватился лаборант,

– Это все наши с дядей Сашей пометки по отладке некоторых параметров автомата. Основные результаты приведены в этих разноцветных сферах, каждая из которых отмечает конкретный эксперимент с отдельным объектом исследования.

Вот эти синие шары – результаты объекта исследования Колотуром голограммиста Сидоркина, зеленые Круса, голубые – аналитика Щегла, но больше желтых и оранжевых – это дяди Сашены и мои. И поскольку мы с ним отвечаем за наладку Колотура, естественно аппарат больше всего работал с нами и со мной в последнее время.

– Ну, тогда очень уж понятно, почему результатов на этом графике не просматривается, – съязвил Щегол.

– Правда и у всех прочих кривая успешности выглядит, как прямая горизонтальная линия, нарисованная рукой первоклассника, – снисходительно добавил он.

– Тем не менее, в графике заметны некоторые всплески. Поясните нам их, – заметил шеф.

И Ван доложил, что...

– Первый результат активности был зафиксирован с Вашим приходом, Алексей Алексеевич, когда вы предложили «не растекаться мыслью по древу», а сосредоточиться на биополе наиболее одаренного в этом плане человека и представили нам экстрасенса Иванова Ивана Ивановича. Дальше вы видите почти одни фиолетовые шары результатов экспериментов Колотура с Иваном Ивановичем. График располагается по восходящей и амплитуда результатов уменьшилась.

– Рискну предположить, что значительное улучшение просматривается на стадии, когда мы, по настоянию шефа, заменили много спиральный отражатель Колотура на двойную коническую спираль с настраиваемой гармоникой, аналогично био полю человеческой ДНК, – вставил аналитик.

– Однако и в этом случае положительный результат лишь едва выходит за трехмерные объемы статистической достоверности опыта, – как бы про себя, пробормотал Авкуб, – А кривая возрастания энергетических затрат на получение даже умеренного результата зашкаливает за всякие возможные пределы, – но вслух, спросил:

– А что, Ваня, представляют вот эти скачки минимизации напряжения электромагнитной подкачки?

– В этом, наверное, и заключена тайна эксперимента Колотура, поскольку они завершают график работы до момента ЧП. Только вот никаких прямых данных в голограмме опытов про то не имеется. А Колотур притворяется «незнайкой».

– Мы с Крусом просидели всю ночь, – согласился аналитик Щегол, – Но ничего существенного не нашли. Очевидно только, что Колотур самостоятельно изменил ход эксперимента за пять дней до ЧП, при этом энергетические затраты снизились невероятно.

Дядя Саша говорит, что за эти дни счетчик энергопотребления Колотура даже вроде бы показал уменьшение ранее бывших отсчетов.

– Я было подумал, что это Ван подшутил надо мной, разобрал счетчик, но тот оказался в полном порядке, – согласился дядя Саша...

– Мы с экстрасенсом, – доложил физик Соколов, – Провели анализ голограмм изображений полученных Колотуром в последние пять дней и, особенно, в момент ЧП. Я определил лишь только гармоническую составляющую колебаний торсионного биополя, близкую к полному резонансу, а Иван Иванович зафиксировал своим «видением» изменение цвета ауры биополя (своего собственного биополя в записи) с красного на зеленоватый. При этом изменения происходили синхронно с поступлением энергии извне, как говорит дядя Саша.

– А мы с Аркадьевым, – добавил Сергейчин, – Имели длительную и утомительную «беседу» с Колотуром. Однако автомат стоит на своем. Он раскроет шифр своей программы, если мы предоставим ему возможность единолично запатентовать свое изобретение. Все наши уговоры в том плане, что он (Колотур) не является ни юридическим, ни физическим лицом и поэтому не может выступать в качестве патентодержателя, ни к чему не привели.

Особенно его «возмутило», что он не считается физическим лицом. Он даже выдал нам справку, что не только, в соответствии с техпаспортом, он является экстра классным физическим прибором-автоматом, но и лицензированным для работы с другими физическими лицами, которые почему-то, в отличие от него, обладают правом на патентование своих, весьма мало достойных, с его точки зрения, изобретений.

Поэтому он свой виртуальный микрочип с записями «открытия» не отдаст, даже в случае отключения аварийного питания.

Он утверждает, что в этом случае он сможет обеспечить себе энергетическую подпитку за счет Космоса и знает, как это сделать!...

В лаборатории повисла выразительная тишина.

Через минуту другую её прервал Авкуб.

– Есть идея!... Пошли к Колотуру. Ван, включай его многоканально на все наши биополя. Пусть анализирует нас на своем детекторе лжи, если он такой недоверчивый и скупердяйный гений.

И обращаясь, к уже активированному Колотуру, продолжал,

– Ну! Наш Великий и Умнейший, я выслушал твои претензии и почти полностью с ними согласен. Я действительно поражен твоим интеллектом, поскольку с великим трудом понял суть твоего изобретения. Сейчас мне стало ясно, что ты правильно и радикально изменил направления наших исследований. Вместо приемов конвергенции биополя, которое требовало сверх высоких энергетических затрат модулирующего электромагнитного поля, ты нашел альтернативное безэнергетическое решение проблемы, основанное на частичной дивергенции этого биополя. При этом дивергенция идет с автоматическим восполнением дефицита энергии из космического пространства. И главное, что в этом случае достигается та же цель – перемещения нашего пространства в смежное трехмерное пространство, только не за счет энергетического «вдвига» в него, а, наоборот, путем рассеивания плотности нашего пространства и проникновение в него более плотного, смежного с ним.

Конечно, нам не ясна физическая модель модуляции спирали его раскрутки, которые ты зашифровал в своем чипе, но смею утверждать, что мы вскоре всё это узнаем и без твоей помощи.

Мне думается, что вместо модернизации твоего содержимого, мы закажем более совершенный агрегат с самонастраивающимися под любую программу отражателями и суперсовременными расчетным центром, полностью, а не частично, как у тебя, функционирующим по голографическому принципу работы человеческого мозга.

Конечно, часть твоих собственных устройств будет использована на сооружение этого супермонстра и ты должен гордиться такой судьбой.

Нам всем будет очень жалко расставаться с тобой, поскольку мы давно привыкли к тебе и считаем самым способным сотрудником нашей лаборатории, но у нас есть план исследований и мы не можем его не выполнить. А поскольку ты не хочешь нам в этом помочь, я вынужден буду исполнить свою, неприятную мне, миссию по твоей утилизации...

Впрочем, если у тебя имеются другие предложения, мы готовы их обсудить...

Колотур, за все время речи шефа, беспрестанно мигая красно-зелеными индикаторами, сменил в конце её их цвет на желто-оранжевый, потом на пурпурно- голографическую трель:

– Я автор, я автор, ... автор, ... автор... автор...

Вся лаборатория, пораженная такой стойкостью прибора, в своей правоте, замерла с открытыми от удивления глазами и ртами.

Но Авкуб, приказав перезапустить автомат, как ни в чем не бывало, продолжил...

– Однако, у меня имеется и другое предложение. Я могу представить тебя в качестве соавтора патента, если ты согласишься вписать в это число, хотя бы тех сотрудников, на базе биополей которых ты сделал свое открытие.

Дело в том, что формально в патентном законодательстве России нет конкретных указаний на морфотип физического лица, являющегося автором. Из анкеты не ясно кто он: человек, собака или святой дух.

Имеются только стереотипные сведения о его полном имени, местожительстве и реквизитах страны заявляющей патент. Про то, что ты являешься автоматом, там не сказано ничего. Поэтому мы в заявку включаем твое имя (в алфавитном порядке) – «Колотур», страну заявитель – «Россия» и постоянное место проживания – «НИИ Временных Связей (НИИВС)» с указанием почтового адреса. Список в основном нужен для камуфляжа, чтобы тебя не вычислили в ФИПСе, а также для назначения лица, ответственного за прохождение заявки. Юридическим лицом патентодержателем является наш НИИВС, который, естественно, обязуется сохранять и поддерживать существование коллектива нашей лаборатории, основным членом которого мы единодушно считаем тебя.

Вдохновленные такой патетикой сотрудники всеми своими моральными силами стремились показать искреннее и полное единодушие со сказанным, поскольку Колотур просканировал каждого из них на своем детекторе, и «лжи» не обнаружил...

Задумчиво помигав сине-зелеными индикаторами, он выдал, как выдохнул:

– Согласен!...

И в пространстве лаборатории повисла коротенькая голограмма физической формулы торсионной раскрутки пространства, основанная на принципе всеобщего симметричного подобия...

Пораженные её простотой физик Соколов и математик Крус, еще долго стояли, тупо уставившись друг на друга...

Между тем, как все прочие уже переживали случившееся, каждый в одиночку, у себя дома.

Глава 5. «Прорыв»

По прошествии нескольких месяцев после установления «мирных» отношений с Колотуром, жизнь в лаборатории эволюционной экологии была ключом.

Авкубу удалось, представив колотуровский патент в качестве доказательства, убедить членов Ученого совета в перспективности дальнейших исследований в дивергенционном (без-энергетическом) направлении исследовании структуры и функций смежных пространств Вселенной. Особых возражений не было ещё и потому, что всех больше интересовали, наоборот, энергетические конвергенции, позволяющие в принципе, получать из «ничего» новые элементы таблицы Менделеева, вообще отсутствующие в природе.

Экологические и исторические параллели в развитии человеческих и космических цивилизаций их мало интересовали. Даже, наоборот, они заинтересованы были убрать приткого конкурента, озадачив его «посторонней» проблемой, по известному принципу: чем бы дитя не тешилось, лишь бы не мешало. Поэтому Авкуб получил не только свободу действий, но целый ряд современного оборудования в придачу, к примеру, так необходимые ему электронно-динамические аккумуляторы и гравитомагнитные преобразователи полей.

Однако первоначальный всплеск энтузиазма постепенно стал сходиться на нет...

Конкретного продвижения по «гениальному» колотуровскому патенту никак не наблюдалось.

Авкуб чувствовал, что эффект фактического совмещения пространств был спровоцирован извне, другой стороной, а Колотур только уловил важность момента в нужное время и в нужном месте. Но повторить его самостоятельно с нашей стороны никак не удавалось.

Физик и математик лаборатории утверждали, что суть процесса состояла в том, что при рассеивании плотности поля нашего пространства «гармоника» – физический комплекс частот, длин и амплитуд торсионных полей, – должна совпадать с гармоникой энергетически стабильного поля смежного пространства. Только при точном совпадении спирали нашего пространства со спиралью смежного возможен физический переход и возвращение обратно любого объекта. Однако в настоящем своем состоянии Колотур не был способен контролировать процесс схождения спиралей. И никакие операторские ухищрения программистов не давали нужного результата. Голограммист Сидоркин всякий раз в голограмме Колотура фиксировал разнообразные, разбегающиеся друг от друга красные и зеленые спирали.

И наилучший вариант совмещения, зафиксированный автоматом и представленный Авкубу в виде голографического мраморного блока, сейчас лежал на столе и шеф рассеянно взирал на две расплывчатые воронки, задумчиво закручивая и раскручивая прядь своих жестких, как щётка волос. Очевидно, что конфигурация спиралей была не симметричной. Цен-

тры закручивающейся (красной) спирали и раскручивающейся (зеленой) не выражены и нестабильны. Они сами по себе описывают сложные траектории и совместить их может только случай, вероятность которого, была плачевна.

Но шеф недаром крутил свои вихры, он «нутром» чувствовал, что дело тут не в технике эксперимента. Сидоркин под мудрым руководством Круса загружал Колотур все возрастающими по объему зависимыми и независимыми переменными, с которыми уже не справлялась его мощнейшая вычислительная машина... И как всегда просто, глядя в корень, эту ситуацию дядя Саша определил:

– Бедный Колотур уже не может отделить мух от котлет и огурцов от валенок.

Авкуб улыбнулся точности древне русского афоризма и подумал, что действительно никаким наскоком эту задачу не решить, не разобравшись в теоретических закономерностях и случайностях.

– Если использовать колотуровскую формулу симметричного подобия и известные нам нетрадиционные философские концепции формирования Вселенной, – пробурчал он себе под нос,

– То простейшую схему процесса возможно изобразить так...

Его левая рука не перестала закручивать вихор, когда как правая начала «задумчиво» рисовать в воздухе голограммы окружностей, спиралей, аннигиляционных взрывов...

В конце концов, проявилась простая и логическая картинка, которую он зафиксировал в сознании и стал обдумывать.

– Вот это в начале знакомый нам новый – старый амер.

Но он не представляет собой атом пространства, как у Демокрита, а должен быть абсолютно безэнергетическим и, таким образом, существовать бесконечно долго.

Однако из этого безинерционного вращательного движения ничего не может возникнуть...

Что-то или кто-то должен нарушить синхронность вращения первобытного торсона...

Недаром же Колотур в своей картинке изобразил два альтернативных спектра солнечного света. Красный свет – наиболее энергоносный спектр, а зеленый – практически «всепоглощающий» – оба наиболее биологически ценные спектры.

Тут у природы есть своя философия.

Вот только в чем конкретно она заключается?...

Этот вопрос он переслал Соколову.

– Сергей Сергеевич, что Вы скажите по поводу моей физической философии?

– А скажу, Алексей Алексеевич, что для эколога она и не так уж непрофессиональна. Она частично совпадает с нетрадиционными теоретическими гипотезами прошлого века о происхождении материи из физического вакуума. Ещё тогда советский физик-теоретик Зельдович поставил вопрос о том, куда подевалось огромное количество антивещества, появляющегося одновременно и в равном количестве с веществом из НИЧЕГО. На этот вопрос никто ему не смог ответить, поскольку физика исходит из того положения, что из Ничего Чего-то получиться не может, а все возможные гравитационные и антигравитационные Вселенные возникают только с появлением электронно-позитронной пары, ни весть откуда взявшейся.

Эту тайну мироздания искать в данный момент на нашей Земле бесполезно. Видимо огромная теоретическая сложность концепции выводит её за рамки понимания здравого смысла.

– А мне, находясь в здравом уме, кажется, – откликнулся математик Крус, который, как и вся лаборатория, задолбанная рутинной работой, живо следил за происходящим.

– Если мы оставим действительно неразрешимую проблему о происхождении Вселенной, а сконцентрируемся на альтернативных пространствах, то кое-что станет понятным. Гравита-

ция формирует сжимающееся пространство, её действие направлено от периферии к центру – это наша Вселенная.

Антигравитация формирует расширяющееся пространство, которое можно себе представить как вывернутое «шиворот на выворот» наше пространство. Эти две вселенные не аннигилируют только потому, что находятся в разных измерениях и окружены физическим вакуумом.

Как возможно себе это вообразить... Я сейчас нарисую...

И в воздухе, у всех перед глазами, появилась извивающаяся двухцветная лента.

Ползущий по ней жучок, не сходя с ленты, может переходить с одной поверхности на другую, с внутренней на внешнюю, с внешней на внутреннюю и так по цепочке без конца....

– И бедняга жучок – хамелеон, двигаясь по одной поверхности, вынужден всякий раз менять свой цвет на противоположный, когда он пересекает четкую линию раздела двух альтернативных поверхностей, – почувствовал Крус путешественнику в бесконечном его странствии, которое Колотур вставил в голограмму для наглядности.

– Теперь нам осталось только представить себе, как трехмерная сфера должна вывернуться наизнанку, чтобы мы могли перейти из нашего пространства в параллельное. И самое главное, определить место этого перехода, – он на минуту задумался и продолжил...

– Это конечно примитивная композиция, но соприкосновения сферы и антисферы в математике решаются весьма сложно и не однозначно. Для того, чтобы доказать соприкосновение сферы Эвклида со сферой Вселенной придуманы две неэвклидовы геометрии – Лобачевского и Римана.

В III веке до нашей эры греческий учёный Евклид привёл в систему известные ему геометрические сведения в большом сочинении «Начала». Эта книга более двух тысяч лет служила учебником геометрии во всём мире. В нем Евклид изложил основы геометрии в двадцати трёх определениях, пяти постулатах и девяти аксиомах. Опираясь на них, люди с достаточной

степенью точности измеряли и продолжают измерять и вычислять пространственные отношения и связи на плоскости и сфере.

И заметьте не только на листе бумаги или в своем огороде или городе, но и в Космосе! Однако пылливому уму человека было тесно в рамках «ограниченной привычности».

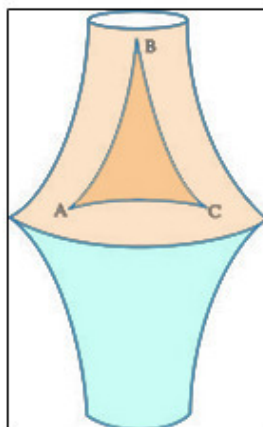
Его постоянно терзала запредельность очевидных прописных истин.

Одной из этих туманных истин был пятый постулат Эвклида, а именно – «недоказуемость» его в том, что две параллельные линии при их бесконечном продолжении не пересекаются. Отсюда следовало предположение, что и сумма углов треугольника в бесконечных пространствах не равна 180° , а больше или меньше этого. Поэтому для космологии расчеты «первобытной» геометрии признавались неточными. Как указывается в справочниках, *при измерениях на участках земной поверхности, малых в сравнении с размерами земного шара, можно с успехом применять обычную планиметрию, однако результаты измерений на больших участках обнаруживают существенное отклонение от законов планиметрии*, – привел цитату Крус и ухмыльнулся.

— Мне такие прямые измерения не известны. Сам Лобачевский пытался измерить угловые параметры пространства Вселенной между отдаленными звездами, но у него ничего не получилось кроме постулатов Евклида. Это было объяснено неточностью инструментальных измерений того времени. Но и сейчас подобные измерения им к чему не приводят. С моей точки зрения это неизбежно, поскольку мы проводим измерения не в фактическом пространстве, а измеряем, в значительной степени, его двухмерную проекцию, которая не признает изменения суммы углов треугольника.

Однако в 1868-м году итальянский математик, профессор римского университета Эудженио Бельтрами построил модель пространства для неевклидовой геометрии. В своей работе «Опыт интерпретации неевклидовой геометрии» он показал, что наряду с плоскостями и сферическими поверхностями, на которых «законно» осуществляется евклидова геометрия, существуют и другие реальные поверхности, на которых частично действует планиметрия Лобачевского.

Представьте полукружие, которое вращается вокруг своего диаметра, и вы получите сферу. А теперь взгляните на рисунок, на котором вместо полукружия изображена очень любопытная кривая, называемая «трактриса».

Вращая трактрису вокруг прямой, к которой стремятся её свободные концы, мы получим модель пространства, которая получила название «псевдосфера». Формально эта пространственная фигура может быть названа «сферой», ибо она образована путём вращения кривой, то есть тем же способом, каким образуется сфера. И эту сферу действительно можно

назвать «мнимой», поскольку образована она вращением не дуги, которая имеет так называемую «положительную кривизну» («выпуклость»), а вращением трактрисы, имеющей отрицательную кривизну, или «вогнутость».

Добавим, что трактриса обладает свойствами гиперболы, поэтому геометрию Лобачевского называют ещё и «гиперболической».

Если провести ещё одну параллель со словом «гипербола» в значении «преувеличение», то мы вновь вернёмся к тому, что законы псевдосферы начинаются там, где привычное замкнутое пространство сферы «преувеличивается» до размеров Вселенной.

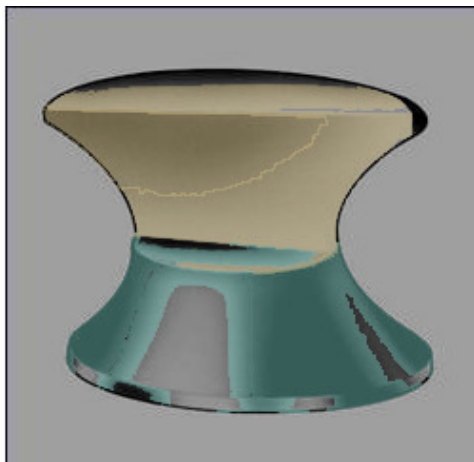
— Довольный своим юмористическим парадоксом ухмыльнулся математик.

— Как видим в этой «преувеличенной» математической фантазии сумма углов треугольника, нарисованного на поверхности псевдосферы, значительно меньше двух прямых.

В неевклидовой геометрии имеются попытки сопряжения пространства Вселенной с ограниченным пространством Эвклида. Идея, конечно, стоящая, если только пространство Лобачевского и Римана не геометрическая фантазия. Однако формальная математическая замена нормальных прямых линий на «геодезические», и касательные плоскости на «частично соприкасающиеся со сферой» не дают никакого реального представления о таком контакте. Весь эффект соприкасания остаётся погребённым «в премудрости» простых математических формул.

— Обращаю ваше внимание на то, что справочные материалы дают лишь такое, достаточно примитивное, визуальное изображение контакта двух гиперпространств.

Из всего выше сказанного можно сделать только один достоверный вывод – контакты различных по форме пространств должны иметь место в виде точек, линий или плоскостей. Я мог бы и далее развивать известные теоретические концепции, но как математик практик, не вижу в этом никакой пользы для наших работ. Другими словами абсолютно не нужно придумывать себе удобные для математических расчетов псевдосферы, нужно только вообразить себе, что внешняя и вогнутые поверхности одной сферы ЕСТЬ ОДНА И ТАЖЕ ПОВЕРХНОСТЬ. Или, во всяком случае, они расположены бесконечно близко друг другу.

Впрочем, я могу быть абсолютно неправ, поскольку стереотипно понимаю измерение расстояний в стандартных единицах: метрах, километрах, световых годах и прочее.

Он улыбнулся пришедшей на ум мысли и продолжил:

— Я всегда с удовольствием смотрю старые российские мультфильмы. В одном из них слоненок, мартишка и попугай пытаются измерить удава в своих собственных единицах измерения. И всякий раз, к их чрезвычайному удивлению, длина последнего здорово разилась, хотя сам

по себе удав оставался в «норме». Правда ему больше пришлось по вкусу размерность в попу- гаях, поскольку в этом варианте он был «всё-таки длиннее».

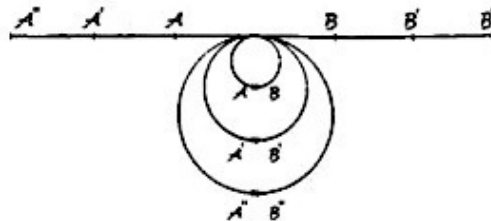
Понимаете в чем тут дело?

Для Вселенной совершенно безразлично, какими стандартами мы её измеряем. Ей, в отличие от удава, это не интересно.

С другой стороны, если мы принимаем безразмерный амер за единицу и структуру про- странства, то это самое пространство резонно измерять в амерах, которые могут, видимо, быть и ничтожно малыми и бесконечно большими. Оттого переходная зона может иметь любые раз- меры, в том числе и Вселенские.

В этом плане меня всегда удивлял парадокс неэвклидовых геометрий, утверждающий, что кривизна пространства возрастает с увеличением его размеров, читай – радиуса. В тоже время соприкосновение евклидова и неэвклидова пространств (по этой же теории) возможно при уменьшении «тензора кривизны», то есть кривизны окружности при увеличении её радиуса. Такой нелепости эвклидова геометрия не допускает (смотрите рисунок).

Окружность при бесконечном увеличении радиуса трансформируется в бесконечную линию.

Вот такой парадокс!

Но, а если совсем уж просто, то этот рисунок показывает и путь достижения бесконечно далекой цели. Для этого не обязательно долго, долго двигаться от точки А '' через А', А до В, В', В'', следует повернуть назад (см. как они фактически замыкаются на окружностях) и ты уже дома. И не только в этом столетии, по летоисчислению теории относительности, а уже просто напросто завтра, а и того лучше – мгновенно...

Крус, сам не ожидая от себя такой залихватости, почесал затылок.

– Я не уверен, что приведенный мною примитив имеет какое-либо фундаментальное значение, но в плане точки отчета и как вариант для проектирования эксперимента принять схему можно.

Авкуб, довольно улыбнувшись рефрену в выступлениях физика и математика, заключил.

– Ну, да ладно, давайте, исходя из предложенных «примитивных» вариантов для проек- тирования эксперимента, подведем итоги...

Что мы имеем?

Во-первых, мы установили, что все происшедшее не плод «ушибленного» воображения Вана, которое вполне могло возникнуть при падении с высокого операторского кресла.

Во-вторых, самодеятельность Колотура, не самотключившегося (как ему было положено по инструкции) при попытке внешнего воздействия на программу, позволило нам, если не убе- диться в существовании параллельного мира, то как – то его себе вообразить.

В-третьих, мы уже кое-что конкретно себе воображаем о конфигурации нашего и смежного пространства.

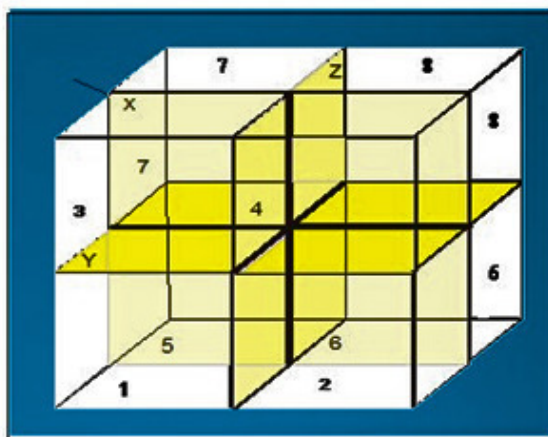
Вспомните синтез контура первичных «умозаключений» Колотура, посмотрите на его рисунок. Красный и зеленый человечки стоят на соответственно окрашенных сферах – плоскостях. Вероятно, мы имеем намек на возможные проявления эффектов гравитации и антигравитации в смежном пространстве, что Колотур представил нам в альтернативных цветах солнечного спектра – красным и зеленым.

В-четвертых, мы, вполне вероятно, наблюдали картину возможного материального перехода (депортации живого существа) между смежными мирами.

И наконец, в-пятых, «Снежный» своим, мягко говоря, не ординарным поведением предостерег своих сограждан, и попутно нас с вами, от чего-то смертельно опасного. Обратите внимание на (как мне представляется) «аннигиляционную вспышку» Колотуровской голограммы при пресечении (переходе) двух альтернативных (по каким—то признаком) пространств друг в друга, через ноль пространства.

И чтобы всем было понятно, что я имею в виду, посмотрите на эту голограмму, которую Колотур выдал в пояснение своим прежним аллегориям,

– Авкуб надел шлем сенсора и в воздухе появилась следующая фигура.

– То, что только «кажется» нашему математику, Колотур, без всякого сомнения постулирует, – продолжал шеф...

– Если поверхность сферы в бесконечности превращается в плоскость, то бесконечное сферическое пространство должно представлять собой безмерный куб, с чем я не могу не согласиться. Это бесконечное пространство Колотур разбивает, исходя из прямоугольной системы координат, условно, на восемь кубов.

С его точки зрения для этого достаточно трех обычных, пересекающихся в одной точке осей. Никакой четвертой оси «времени» для этого не требуется.

Посмотрите!

Каждый из кубов имеет (по смежным плоскостям) по три смежных пространства.

Может быть, переход через одно из них мы и наблюдали. Кроме того, вероятно, возможны какие-то перемещения и по смежным внутренним граням. Их у каждого куба также по три. Заметьте, что в этих случаях переходы осуществляются или по плоскости (двух мерному пространству), или по линии (одномерному пространству) и, видимо, нет «радикального» перехода только через точку нулевого пространства, через точку, на которую проецируется вся наша Вселенная

Это тоже логично, если мыслить «железной логикой колотуровской безмерности» – ведь точка в этом случае есть ноль!

А таких, предположительно «смертельных» для депортации материи из любой массы переходов по четыре пары (1—8, 2—7, 3—6 и 4—5). Это единственный случай четырехмерности у Колотура.

Другими словами, по Колотуру, депортация возможна в трёхмерном измерении (для пространств различной геометрии) и невозможна в четырехмерном, что вполне вероятно связано не с конфигурацией пространства, а с течением времени или с чем-то ещё. Видимо полная депортация возможна только при плоскостном переходе и частично в линейном.

В этом случае депортируется только «дух» материи, а именно, её торсионное биополе. Остается надеяться, что мы наблюдали не линейный контакт...

В лаборатории наступила задумчивая тишина и в воздухе повис общий вопрос:

– Что будем делать?...

– А мы все вместе будем делать НИЧЕГО, – парировал всеобщее недоумение Авкуб.

– Кто из вас может интерпретировать формулу пространственного перехода Колотура в физическом эксперименте, даже используя его заявку на патент?

Есть желающие?... Так, желающих нет!

Поэтому, по принципу «мы посоветовались и Я решил», принимаем такое постановление: каждый из вас (профессионалов) предлагает план эксперимента по форме передачи символов связи с той стороной, которые были бы понятны «параллельным» и вызывали бы у них интерес.

Всё остальное перепоручаем Колотуру без всякой цензуры с нашей стороны. Надеюсь, что автомат нас не подведёт и сможет «сдвинуть», хоть на миг, на наши «подарки» пространство параллельного мира...

Сергейчину предлагаю «накачать» самоанализ автомата до такой степени, чтобы он и помыслить не мог, что мы его «используем».

После загрузки «посыла» всем и каждому в отдельности следить за элементами и этапами осуществления эксперимента. Особенно за представленными вами лично. Фиксировать любые мелочи. Никаких дополнительных поправок в первоначальный эксперимент не вносить и результатами не обмениваться.

На том всем привет!

Встречаемся ровно через месяц.....

Итак, господа, месяц пролетел как день! Надеюсь, он вам чем-либо запомнился, – обвел взглядом «всю честную компанию» заведующий.

– Начнем с дяди Саши. Он собственных экспериментов, видимо, не ставил, так ему легче.

– Так точно, Алексей Сейч, экспериментов не ставил, а весь месяц держал Колотур, без профилактики, в рабочем состоянии. От того мне стало совсем легко: чтоб штаны не соскакивали, прокрутил в ремне новую дырку. Жена говорит, что вешу сейчас, как сорок лет назад.

– Ну, извини Сан Саныч, я вовсе не хотел тебя обидеть. Я не то имел в виду. Я имел в виду творческие страдания. И каковы, к примеру, переживания на этот счет у наших наиболее абстрактно мыслящих специалистов: математика и физика?

Ну, давайте Вы, сер, Математик.

– У меня, Алексей Алексеевич, – начал Крус,

– Полное фиаско. Я направлял «параллельным» четыре варианта символов: числовой ряд (десятичный и двоичный), геометрию теоремы Пифагора, символику дифференциального и интегрального исчисления. Таблички многократно отправлялись «за стену» и всякий раз возвращались обратно в девственной чистоте. Отсюда я заключаю, что начертательная символика им в принципе не понятна.

– Могу только подтвердить, – включился в разговор физик Соколов,

– Что не только условное изложение физических законов, но и физические предметы, которые бы заинтересовали любого инопланетянина, у них никакой реакции не вызвали: воздушный шарик, модели летательных аппаратов тяжелее воздуха, модели плавсредств и космических аппаратов, а также мини вычислительная техника, возвращались без всяких следов осмотра. При этом сроки нахождения точных копий технических средств позволяли не только их испытать в физических лабораториях, но и разобрать на части.

Видимо физический мир «параллельных» не только не походит на наш, но принципиально от него отличается.

– Так, – начал крутить свой «задумчивый» вихор Авкуб,

– А что нам скажет социолого-психо-экстрасенсорная группа?

– Мы с социологом уже обменялись журналами записей экспериментов, – сообщил Сергейчин,

– Ия могу высказать наше общее мнение. Обзорные голографические фильмы нашего мира, во множестве отсылаемые «параллельным», не вызывали массового интереса, хотя датчики использования их показывали, что они мимолетно, если не сказать мгновенно, просматривались.

У нас сложилось ощущение, что, им общая картина нашего мира давно и хорошо известна. Всяческие исторические фильмы, так популярные у нас в вопросах государственного устройства, войны и мира не вызывали интереса. Особенно примечательно, что речевые моменты сцен (на всех возможных языках) прокручивались вообще без задержки, словно они ничего не слышат. И это, не взирая, на всю патетическую и эмоциональную игру наших великих актеров.

А вот вся семейная «бытовуха», включая современные шоу и секс, пользовались вниманием, почти как у нас. Из чего мы заключаем, что психология «параллельных» достаточно близка нашей.

– Могу подтвердить, – сказал аналитик Щегол,

– Что точное фиксирование частоты и продолжительности внимания к экспонатам переданным «параллельным», с достаточной достоверностью говорит о том, что они никак не реагируют на любую символику в форме плоскостных или трехмерных изображений в изометрии, плохо реагируют на звуковые колебания, но интересуются голограммами. Однако самое интересное наблюдение, видимо, имеется у нашего экстрасенса Иванова.

– Ну, что ж Иван Иванович, просим Вас, – живо заинтересовался Авкуб.

– Да я ж, Вы знаете, Алексей Алексеевич не человек науки, замаялся тот...

– Я ничего сам не предпринимал и все думал, почему развитая цивилизация «параллельных» не обращает внимания на прописные истины, которые считаются у нас общезначимыми для первых контактов с межпланетной или другой цивилизацией. Я смотрел на изображение Земли или солнечной системы, равнобедренного треугольника и схему молекулы воды, или спирали ДНК, отправляемых нами и возвращенных без признаков интереса к ним. И у меня сложилось ощущение, что мы говорим с ними на совершенно непонятным им «языке».

Я имею в виду способ мышления.

Поэтому я просто сел в кресло оператора Колотура, попросил Сидоркина задать программу Колотуру на фокусировку с компенсацией аберрации моего биополя. Взял в руки уже ранее посылаемые изображения солнечной системы и доказательства теоремы Пифагора, и просто стал рассматривать сначала строение солнечной системы... А затем доказал мысленно теорему... Колотур, как может то засвидетельствовать Сидоркин, исправно передал мысль за «стену».

Вы, конечно, можете улыбаться, но я получил ответ, который между прочим зафиксировал и автомат, что теорема Пифагора имеет (с точки зрения «параллельных») некоторую

инвариантность, про которую я ничего вам сказать не могу, поскольку ничего не понял. А вот схема солнечной системы вернулась в их посыле без Плутона.

– Так, так, – протакал Авкуб, отпустив, наконец, свой вихор.

– Что же мы имеем?

Они не понимают наших абстракций, им недоступны никакие относительные проекции и как они вообще разбираются с технической документацией и вообще с техникой? Что это за сверхцивилизация?

Они почему то плохо реагируют на звуковое сигнальное общение, владеют объемным голографическим изображением и, как минимум, имеют представление о структуре нашей солнечной системы, раз исправляют наши же «ошибочные» представления о ней.

Как утверждает Иван Иванович, основной тип их общения – возможно экстрасенсорный. Кто же они такие?

Кто имеет, что сказать не сей счет?...

Авкуб окинул взглядом присутствующих:

– Да, ясно мне, что здесь дело темное...

– А можно мне? – все удивленно обернулись на лаборанта Вана Авдеева.

– Ну, давай, Ваня, не робей, мы тут не Ученый совет, заживо не съедим, – поддержал шеф.

– Алексей Алексеевич, я не хотел говорить про это, поскольку в нерабочее время задействовал Колотур для личных целей...

Еще пол года назад, когда мы с дядей Сашей отлаживали только что полученный автомат, вы отдали мне коробку с видеофильмами позапрошлого века. Мы с дядей Сашей, когда не были заняты, смотрели всякие ужастики из тогдашней мировой коллекции. И мне особенно понравился «Парк юрского периода». Там здорово были сфантазированы, с помощью электронной графики, динозавры.

И чтобы вообще убить на повал своих друзей, я по вечерам (ей богу не вру, по ночам) сделал программу Колотуру по переводу плоскостного изображения в голографическое.

Получился полный отпад, слабонервных приходилось отпаивать пивом, которое не всякому лилось в глотку, после того как её чуть было не оторвала вместе с головой слюнявая пасть тираннозавра...

– Ван, ты бы, по сути! Я тоже смотрел этот старый фильм и без голографии дрожь пробирала. Умели же снимать кино наши предки, – перебил увлекшегося лаборанта Авкуб.

– Так я ж и, по сути! Почти месяц назад я отправил «параллельным», чтоб они тоже «прониклись», голографический «Парк юрского периода». И он не вернулся. Я подумал, что вышел какой-то сбой и уже позабыл про него, но вот сегодня голограмма возвратилась...

Я не успел на всю даже взглянуть, но факт, что она уже не та, что была, а какой-то пиратский артефакт. Только качество много лучше оригинала. Я уже не вижу признаков компьютерной обработки изображений. Динозавры стали как живые, они двигаются естественно и быстро, а сцены охоты на травоядных вообще – супер. Завтра все дружбаны будут в отпаде.

– Так, это уже что-то! – повеселел Авкуб.

– Твои дружбаны подождут!

А ну, давай запускай, у нас слабаков в лаборатории не должно быть, – заверил шеф и в воздухе понеслось голографическое кино...

Сразу же заметив несоответствие с оригиналом и поняв, что большинству присутствующих фильм не знаком, Авкуб стал, вслух, делать свои замечания по исправлениям, сделанным «параллельными».

– Смотрите, насколько изменился ландшафт острова. На глазок видно, что деревьев и кустарников, да и вообще растений покрытосеменных (цветковых) в парке юрского периода стало намного меньше. Совсем нет эвкалиптов, магнолий, сассафрасов, тюльпановых деревьев, лавров, платанов, олеандров. орехов и вообще современного их разнообразия, не говоря уже

о буках и вечнозеленых дубах. И он совсем не похож на современный тропический остров киносъемки. Лес в основном состоит из древовидных папоротников и голосеменных наподобие секвойи гигантской, сосен и псевдотсуг.

Да, в таком лесу диплодокам не прокормиться...

А вон и они, на лугу возле озера, жуют какие-то плавающие зеленые матрасы!

Ага, да это островки плавающих водорослей с целым набором питательных рачков, моксиц и прочей съедобной всячины.

Смотрите, с каким аппетитом и как смачно они это жуют! Теперь понятно, отчего они вырастают до размеров кита...

Правы оказались палеонтологи, которые утверждали, что эти гигантские травоядные, исходя из строения их зубов, не могли пережевывать не только ветви деревьев на манер современных слонов или жирафов, но даже и относительно жесткую листву.

Вот, смотрите на этот крупный план диплодока!

Его пасть с редкими цилиндрическими зубами напоминает хороший дуршлаг для процеживания водорослей из воды.

Как усердно все они этим делом занимаются!

Но!

Что это!

В воздухе полно летающих ящеров различного вида и размера.

В кино их совсем не было!!!...

Это естественно для киношников, поскольку на острове, в парке юрского периода, их удержать не удалось бы и «параллельные» исправили, с их точки зрения, «ошибку» сценариста.

При этом заметно разделение сфер влияния: хвостатые рамфоринхи охотятся в редколесье и кустарнике на гигантских стрекоз и других летающих насекомых. По динамике полета они напоминают мне наших стрижей с резким изменением направления движения, в чем им, несомненно, помогает длинный хвост.

Бесхвостые птеродоны охотятся на крупную рыбу и рыбку поменьше, над самой поверхностью моря. При этом размах их крыльев превосходит всякое воображение.

А ловкость парения изумительна!

Они напоминают мне современные легкие спортивные планеры. И вся конструкция крыла держится на четырех пальцах, вернее на одном четвертом, три других слабо развиты и мало к чему пригодны.

Однако, это, видимо, неспроста их четыре...

– Слушай Ван, – вдруг остановился и насторожился Авкуб.

– Ты не заметил, что в этом фильме не только эти изменения, в нем что-то совсем не так?
– Точно шеф, ...там нет людей! – ахнул Авдеев.

– Нет ни репортеров, которые прилетели в фильме на презентацию, нет сотрудников парка, да и нет самих сооружений зоопарка...

Ничего этого нет, динозавры юрского периода живут сами по себе!

– Ты прав, Ван они пасутся, охотятся и сосуществуют, как бы олицетворяя свое господство над этим ландшафтом. Примерно так, как это происходит в современных заповедных территориях африканской саванны, когда спокойствие вечно пасущегося стада антилоп гну или зебр нарушается только временной атакой львиного прайда. Но убийство одной особи моментально забывается стадом на время поедания львами их бывшего сотоварища. Они знают, что больше им уже ничто не грозит в течение нескольких часов, и продолжают набивать свои утробы сочной травой, отбежав от «места преступления» на сотню, другую метров.

Но посмотрите, всё-таки какое обилие летающих ящеров!

Я не представлял себе легкость их полета, практически без взмахов крыльев.

Это какой-то неизвестный тип движителя!?

Складывается впечатление, что и «параллельным» они более симпатичны, чем наземные твари. Эти акценты явно превалируют в видеофильме.

Вот, смотрите, какие прекрасные панорамы воспроизводит оператор «параллельных». Интересно, с помощью какого летательного аппарата он их снимает?

Я не плохо разбираюсь в кино съемке и для меня очевидно, что вот этот «крупняк» тиранозавра снять длиннофокусным объективом невозможно. Значит, оператор подлетел к чудовищу нос к носу. При этом, не могу отделаться от мысли, что пятнадцатиметровый разбойник здорово испугался. Смотрите, как он бросился прочь, сметая кусты.

Что-то тут не так...

Кажется «параллельные» хотят нам кое-что показать специально.

Видите вон ту, мирно дремлющую группу хищных и таких хитрых (по нашему фильму) и коварных овирапторов (велосирапторов), которые чуть было не сожрали всех сотрудников парка, с репортерами в придачу.

Смотрите, над ними начинает кружиться какой-то вихрь. Он постепенно сжимается в диаметре, быстрее закручивается, опускается над вожаком стаи. Раздается легкий свист, вожак вскакивает и спросонья делает огромный прыжок в сторону, но тут же падает замертво. Облачко вихря накрывает тушу, обволакивает ее и плавно поднимает в воздух.

Если я сейчас прибавлю увеличение, то внутри оболочки, смотрите, проглядывается какая-то небольшая фигурка.

Так, стоп кадр!...

Посмотрим, что же нам хотели показать «параллельные».

Так, так... по-резче... Ну, и ну!

Прямо ошипанный куренок?!

Все пораженно уставились на фигурку и правда напоминающую плохо ошипанного цыпленка, только вот этот цыпленок был не только живехонек сам, но и убил, добыл, завалил..., как хотите выражайтесь, ... мощного хищника, превышающего его по массе раз в сто. И легко понес, может быть себе на обеденный стол, но скорее всего на стол всей своей стаи (семьи).

И не просто понес, потащил, а поднял в воздух без видимых средств такого подъема: взмахов огромных крыльев, воздушного шара, винта пропеллера...

Такого конца «Парка юрского периода» не ожидал никто. Все ошалело глазели друг на друга и несколько минут были способны лишь к обмену нечленораздельными междометиями.

Авкуб, закатив глаза глубоко под свой высокий череп, остервенело крутил несчастный пучок волос на виске, не ощущая никакой боли.

Наконец физиология взяла своё, его лицо перекопилось болезненной гримасой и тут же взорвалось восторгом догадки...

– Я всё понял!

Он вскочил с кресла, обхватил руками первых попавшихся соратников, посмотрел в их недоумевающие физиономии и закричал:

– ЭТО ОНИ ТОГДА ТАКИМИ... БЫЛИ!!!!!!

Глава 6. «Параллельные предки»

Несмотря на то, что следующий рабочий день был понедельником, вся лаборатория чуть свет была в сборе и с нетерпением ожидала появления в 9.00 шефа. Тот явился минута в минуту и сразу же объявил «чрезвычайное» заседание лаборатории открытым. Во всяком случае, именно так он интерпретировал нетерпение сотрудников приобщиться к «великому прорыву».

– Я тут за субботу и воскресенье кое-что еще раз обмозговал, – начал Авкуб,

– И пока что не нахожу причин в изменении пришедшей мне на ум в пятницу догадки.

От того правильно ли мы понимаем суть поведения «параллельных», зависят наши последующие с ними контакты. Нам следует знать, кто они такие и что им интересно. А что нет!

Поскольку в этих контактах мы являемся стороной зависимой, надо максимально «подыгрывать» нашим визави. Поэтому прошу всех жестко оппонировать мне на все мои доводы.

Итак, начнем сначала...

Удачный посыл Ваном фильма «Парк юрского периода» «за стену» выявил ряд специфических крупных и мелких деталей, которые могут в общих чертах охарактеризовать цивилизацию «параллельных».

Это: Во-первых, бесспорный, подавляющий интерес к временам «нашей» мезозойской эры. Кто не знает, тому «напоминаю», что эта эра продолжительностью примерно 169—186 миллионов лет подразделяется на три периода:

Триас – продолжительность 50 млн. и время наступления 235, Юра – 53 млн. время наступления 185, Мел – 66 млн. время наступления 132 ± 5 миллионов лет тому назад.

Обратите внимание на точность летоисчисления периодов в ± 5 миллионов лет.

И это при том, что весь Антропоген, в котором, с точки зрения палеонтологии появились, в конце концов, и мы с вами, занимает чуть больше полумиллиона лет.

Я это к тому, чтобы нам потом не пришлось удивляться некоторым «неточностям» этой науки.

В общем большого интереса у «параллельных» не вызвала вся геологическая история Земли вместе с версией появления на ней человека. Я посмотрел журнал относительного интереса и установил, что вся истории нашей планеты в их мнении просто ничто в сравнении с Мезозоем. Это очень и очень характерно!

Во-вторых, их особенно интересовал Юрский период – начало расцвета динозавров. По данным нашей палеонтологии бурная эволюция, вернее революция этой формы жизни, на Земле началась после катастрофических извержений Пермского периода Палеозойской эры. Тогда массовый выброс лавы на площади в миллион квадратных километров превратил низину Восточной Сибири нашей страны в плоскогорье высотой выше 500 метров над уровнем моря. Представить невозможно и массовый, и энергетический результат такого процесса.

Огромный выброс мантийного тепла не мог не сказаться на ходе эволюции. Резкое потепление морской воды и атмосферы привело к значительному и равномерному подъему средних температур практически всей Земли. Повсеместно исчезли вечные льды и установился относительно равномерный теплый климат.

Всё это катастрофически сказалось на флоре и фауне Палеозоя.

Ранние формы её, специфически приспособленные к приморско-низинным ландшафтам, вымерли. Ни четырехлучевые кораллы (ругозы), ни трилобиты, ни граптолиты не перешли той невидимой границы, которая пролегла между палеозоем и мезозоем. Мезозойская эра была временем неудержимой экспансии позвоночных. Из древних палеозойских рыб лишь немногие перешли в мезозой, это удалось только одному виду пресноводных акул. Наоборот современные лучеперые рыбы, первоначально обитавшие только в пресноводных водоемах, вышли

в «обезлюдившие», то бишь, покинутые прежними обитателями моря, здорово там размножились и до наших дней сохраняют за собой господствующее положение.

Но главную задачу по заселению огромных пустых пространств Земли эволюция поручила древнейшим и наиболее примитивным пресмыкающимся, коими были тогдашние неповоротливые котилозавры. Среди них уже имелись как мелкие животнойдные, так и относительно крупные растительнойдные формы. Потомки котилозавров дали начало всему многообразию мира пресмыкающихся. И это к тому, чтобы нам потом не пришлось удивляться некоторым «неточностям» этой науки. В целом мезозойская эра была эрой относительного геологического спокойствия, лишь изредка и ненадолго нарушаемого легким складкообразованием. В биологическом плане мезозой был временем перехода от старых, примитивных, к новым, прогрессивным формам.

Мезозойский мир был значительно разнообразнее палеозойского, фауна и флора выступали в нем в значительно обновленном составе— это был стремительный рывок эволюции к высшим формам, венцом которых наша палеонтология считает динозавров мелового периода.

Правда в свете последних событий мне кажется, что она здорово в этом заблуждается.

Но не будем отвлекаться...

В-третьих, они осведомлены о динозаврах гораздо лучше наших научных консультантов по фильму юрского периода, о чем свидетельствуют сделанные ими правки.

В-четвертых, они как-то осовременивают себя с этой эпохой.

Вот вам четыре начальных постулата. Я нарочито не делаю заключения, прошу высказаться по сути их соответствия.

— А почему Вы думаете, Алексей Алексеевич, что они причисляют себя к происходящему в фильме? — спросил, поправив привычным жестом сползающие модные очки, аналитик Щегол.

— Может быть, они просто заинтересовались сюжетом и добавили от себя некоторых пикантностей.

— Ан, нет, батенька, Вы здесь не правы! — нетерпеливо вмешался Сергейчин.

— Как психолог, могу утверждать, что психологии мыслящего существа не свойственно преувеличивать способности менее развитых существ.

Ну, скажите, кто всерьез думает о своей собаке, что она умнее его?

Поэтому, если Вы считаете, что «куренок» вымышленный супер герой в духе диснеевских мультяшек, то, скорее всего, ошибаетесь. Однако я не стану настаивать на своем, а покажу всем вам справочные материалы последних палеонтологических исследований из Восточного Китая, особого рефугиумного (длительное время отрезанного от общей ветви эволюции) района. Там палеонтологи в горизонтах нижнего (раннего мела) почти каждый год находят все новые отпечатки скелетов так называемых «оперенных динозавров».

Они считают, что оперение этим динозаврам нужно было только для защиты от холода, принимая при этом версию об их теплокровности.

— Спрашивается, — психолог характерным профессорским жестом поднял палец вверх, призывая ко вниманию,

— Зачем бегающим динозаврам тепловая защита от холода, если все прочие бегающие, прыгающие и даже ныряющие в воду, не требуют такой защиты.

Отвечаю!

Такая защита нужна была летающим динозаврам.

Поэтому я взял голограмму отпечатка скелета одного из них, а именно каудиптерикса, (*Caudipteryxouii*), и сегодня утром, до вашего прихода дал обработать её Колотуру по новейшей методике реконструкции внешнего облика любого существа по отпечаткам скелета и другим органическим и неорганическим остаткам.

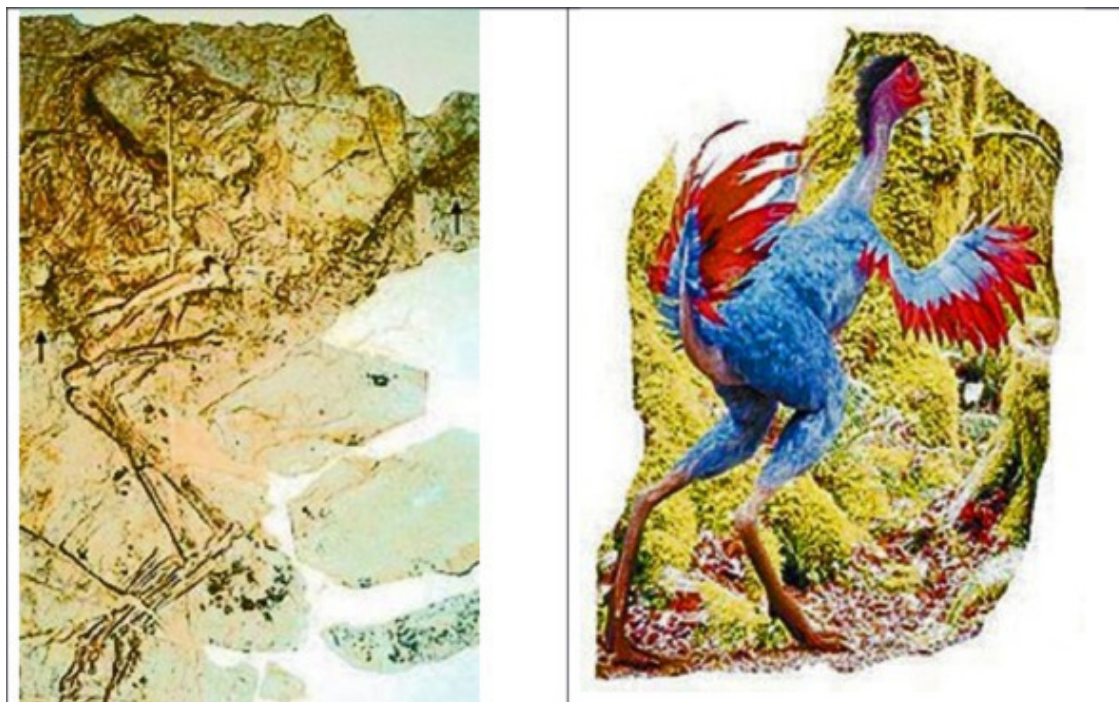
Эта методика позволяет восстановить голографический облик любого существа в практически натуральном виде, вплоть до окраски кожных покровов, меха или цвета глаз.

Результат работы Колотура пред вами. Я напоминаю, что автомат «видел» полученный от «параллельных» фильм и мог скомпилировать изображение, но как настоящий автомат он четко следовал методике реконструкции. Я этот факт дважды перепроверил.

– Итак, – Сергейчин опять заученно поднял палец вверх,

– Перед вами слева – отпечаток тела каудиптерикса, а справа – его реконструкция.

Кто заметит разницу между нею и облачным героем-убийцей, пусть первый бросит в меня камень...

Ну, поскольку камень не полетел, я возьму на себя смелость вместо Алексея Алексеевича озвучить его версию...

Героический цыпленок в голографическом фильме есть предок высших мыслящих существ, мыслящих нашими, человеческими, категориями или весьма близкими к ним.

И, скорее всего, они ведут свою родословную от летающих ящеров Юрского и Мелового периодов...

Прошу всех захлопнуть рты и думать дальше...

Благо для такой эволюции у них было, страшно подумать, в 150 раз больше времени, чем у человечества, начиная с того момента, когда первая обезьяна встала на задние лапы и они постепенно превратились в ноги.

– Вот уж от души благодарю, – обрадовался поддержке Авкуб.

– Я бы не решился на столь категоричное утверждение. Но поскольку, слово вылетело, оно не воробей, его не поймаешь, значит всем задание на завтра...

Пишите свои версии ответа на двуединый вопрос:

– Как потомки пернатого ящера всего достигли и каким образом очутились за «стеной», если до того они вроде бы являлись и нашими предками.

Наиболее достоверные версии обсудим на завтрашнем собеседовании.

Всем привет. До свиданья!

Однако свидания «назавтра» не получилось. Возбуждение таким глобальным открытием настолько взвинтило работоспособность сотрудников, что версии посыпались как из рога изобилия. Аргументация поданных вариантов настолько расходилась в своей основе, что найти компромисс шефу никак не удавалось.

С одной стороны надо было учитывать ортодоксальную позицию «технарей», то бишь математика, физика, электронщиков и программистов, с другой – «прозрения» экстрасенса и всё это подчинить теории эволюции и заключить в рамки психологии и даже социологии.

Тем не менее, через неделю напряженной работы Авкуб смог разослать сотрудникам объемистый сенсорный доклад для «бесконтактного» обсуждения.

Мы не станем углубляться в детали доклада (за неимением времени), а просто изложим его основные положения и выводы.

Авкуб резонно считал, что корни любой цивилизации сопряжены с особенностями эволюции доминирующего в этой цивилизации вида. Но в современной науке целостной теории эволюции, объединяющей биологию, экологию и генетику нет.

Формально имеются три основные теории, авторами которых являются Жан Батист Ламарк (1744—1829), Жорж Кювье (1769—1832) и Чарльз Роберт Дарвин (1809—1882). Основополагающей и наиболее разработанной из них является теория Ламарка, несмотря на более раннее появление. В труде «Философия зоология» (1809) были поставлены все основные проблемы эволюции: реальность видов и пределы их изменчивости, роль в эволюции внешних и внутренних факторов, направленность эволюции, причины развития у организмов адаптаций и так далее. Ламарк придал реальное содержание представлениям об иерархии организмов, их сродстве. В качестве доказательств Ламарк использовал географическую изменчивость и отсутствие твердых границ между видами и разновидностями.

Непомерно раскрученную теорию Ч. Дарвина Авкуб считал, фактически, деформированной частью теории Ламарка, касающейся процесса наследования признаков.

Движущими силами эволюции, по Дарвину, являются только наследственная изменчивость и естественный отбор. Изменчивость служит основой образования новых признаков в строении и функциях организмов, а наследственность закрепляет эти признаки. В результате борьбы за существование происходит преимущественно выживание и участие в размножении наиболее приспособленных особей и возникновение новых видов. Ничего не добавляя к Ламарку, Дарвин делает акцент на ведущую роль в процессе эволюции естественного отбора, при котором перспективы эволюционного процесса становятся совершенно не предсказуемыми.

Теорию катастроф Кювье он вообще не мог назвать теорией, поскольку она представлена лишь геологической концепцией, согласно которой в истории Земли периодически повторяются события, внезапно изменяющие рельеф земной поверхности и уничтожающие все живое. Этим и объясняется смена фаун и флор, наблюдаемых в геологических пластах.

Однако, невзирая на очевидную простоту теории, она имеет место в истории эволюции Земли, поскольку на четырех катастрофических горообразовательных процессах основываются революционные преобразования эволюции: древняя Байкальская складчатость дала скачок в развитии множества морских животных с твердым скелетом (панцирем) в Кембрийском периоде и вообще многообразие морской фауны;

Каледонские горы спровоцировала атаку жизни на суше в Девонском периоде; начало, так нас теперь интересующей, мезозойской эры совпало с концом вариссийских горообразовательных процессов (Герцинская складчатость), а закончилась она с началом последней мощной тектонической революции – Альпийской складчатостью, с чего началась наша Кайнозойская эра.

Абсолютно неестественно отрицать катастрофическую роль рока в любой истории, частью которой эволюция и является. Относительно малые катастрофы могут стимулировать эволюционный процесс, расчищая экологические ниши перед наиболее перспективными (эволюционно приткными) формами. Мощные катастрофы могут стереть с лица Земли все признаки биологической эволюции. Но все они вместе не несут определяющего творческого начала в эволюции, поэтому не могут быть её основой.

Тем более, что в плане рукотворных катастроф человечество уже почти сравнялось с природой. В любом случае, как особо обращал на то внимание шеф, он исключает какие-либо катастрофические воздействия на эволюцию динозавров в Мезозое. В это время на всей Земле был библейский рай.

И хотя в Южном полушарии в мезозое завершился распад древнего континента Гондваны, в целом мезозойская эра была эрой относительного спокойствия.

Авкуб, пристально наблюдая по сенсору за персональным процессом изучения доклада и заметив некое усталое пренебрежение к теории земной эволюции, бросил камушек в начинающее зарастать тиной озеро глубокомыслия своих сотрудников:

– И забегая вперед, могу отрицать катастрофическое исчезновение динозавров в конце Мелового периода.

Они здравствуют и по сей день!...

Выждав момент, чтобы аудитория «проглотила» этот кусок новостей, посоветовал потерпеть:

– Но до осознания этого вам придется скрупулезно перебрать в головах мои и ваши рассуждения на сей счет.

Что касается дарвиновской теории, то судя по ней, слепой, но мудрый естественный отбор, обеспечил непрерывное эволюционное развитие от простого к сложному, по восходящей непрерывной спирали. Но недаром народная мудрость говорит, что слепой не может быть хорошим поводырем. И подслеповатый естественный отбор проглядел революционные моменты в плавно текущем процессе эволюции.

Я хочу акцентировать ваше внимание на основных проколах дарвинистской теории. Она только приблизительно знает о том, когда исчезли на Земле динозавры и ничего не ведает про то, отчего исчезли.

Я даже не ставлю вопрос, как исчезли и куда...

А всё оттого, что эволюция по прихоти естественного отбора имеет одну характерную деталь, уже однажды упоминавшуюся нами. Она полна случайностей и необъяснимых скачков, или, если хотите – революции в эволюции.

Их полно в мезозое, но и до того было множество.

Прошу внимания, я вкратце их перечислю, так как это позволит нам адаптироваться к совершенно необычной для нас ситуации.

Мы все привыкли к мысли, что любая эволюция (несмотря на предупреждения Ламарка) должна идти естественным случайным путем. И даже не помышляем о возможности «программированной» эволюции, если не иметь в виду её библейский вариант. Между тем эта мысль, с моей точки зрения, абсолютно несостоятельна...

Но давайте ближе к делу.

Итак, немало загадок и в более ранних эпохах. Посмотрим на кембрий, и на явление жизни в докембрийский период. Наиболее древние слои, в которых найдены не вызывающие сомнений ископаемые остатки, относятся к концу Кембрийского, началу Ордовикского периодов. В этих осадочных отложениях найдены миллионы ископаемых остатков высокоразвитых сложных форм жизни. Сюда входят губки, кораллы, медузы, черви, моллюски, личинки. Практически, любая из основных беспозвоночных форм жизни была найдена в отложениях этого времени. Все эти животные обладали такой высокой сложностью строения, что, как было под-

считано некоторыми противниками дарвинистской теории, им потребовалось бы 1,5 млрд. лет для эволюции.

Парадокс ситуации для дарвинистов в том, что эволюционные предки кембрийской фауны, если таковые когда-либо существовали, нигде и никогда не были обнаружены...

Это один парадокс.

Но вернемся к другим, еще более ранним, революциям в эволюции. Если начинать сначала, то очевидна другая макрореволюция в микромире. Я имею в виду верхоглядство дарвинистов, с легкостью порхающих от биохимических процессов к физиологическим и, тем более, генетическим. Они запросто ведут свою теорию от белково-аминокислотного супа в древних морях к возникновению клетки и многоклеточным животным и растениям.

Могу утверждать, что это профанация!

Дело в том, что современная наука давно уже освоила синтез белков в условиях природного «океанического аминокислотного супа» эволюционистов.

Но...

Но надо же представлять реальную концентрацию этого супа и мизерную скорость случайного синтеза отдельной молекулы, которая весьма не вечна и скорость ее распада соизмерима со скоростью синтеза и чаще всего превышает её.

В результате в океане мог образоваться баланс белкового круговорота очень малой концентрации. При этом, следует иметь в виду, что это был простой белок – органическое вещество без признаков обмена веществ, свойственному организмам. Белок суть только основа для их построения. И я не вижу, каким образом примитивный суп вдруг нашел в себе способности обмениваться белками с окружающей средой в свою пользу и строить из них тела существ.

Особенно интересно то, что с тех давних пор (более 3 миллиардов лет) природа больше не использовала ни одной новой аминокислоты для синтеза белков, а только всего 20 первородных, да и то, только левого вращения плоскости поляризации.

Сообщаю специально для скучающих наших «технарей»: в природе все аминокислоты двух видов – с определенными атомами, ориентированными вправо и, наоборот, с теми же атомами, но ориентированными влево. Сторона, в которую они ориентируются, определяется случаем. Когда бы аминокислоты ни получили в лаборатории, они всегда более или менее наполовину правые и наполовину левые. Это верно в любом разе – были ли они получены в условиях, аналогичных природным, или нет. Хотя это довольно жестокое правило, ни одно из живых существ не имеет левосторонних и правосторонних аминокислот вместе. Все они левосторонние. Никто не знает, почему. Никто не может воспроизвести исключительно левосторонние аминокислоты.

Все очень просто – кто-то или что-то сделали их такими.

Следующий парадокс вообще исключает случай произвольной, на авось, сборки даже простейших белков из аминокислотного супа океанов. Дело в том, что даже простейшие белки – протеины – вещь чрезвычайно сложная. Мельчайшая из известных живых субстанций (микоплазма гоминис Н 39) содержит 600 видов протеинов, каждый из которых построен в среднем из 400 молекул аминокислот.

Когда мы слышим, что ученые получают протеины в условиях, которые похожи на те, что могли иметь место и в природе в результате прохождения электрического разряда через атмосферу, это еще не доказывает, что жизнь пришла именно этим путем.

Подобное заявление было бы аналогично выводу, что, если бы нашли естественный способ плавления алюминия в природе, это служило бы доказательством, что и летательные аппараты тяжелее воздуха были созданы природными средствами.

Сейчас подсчитано, что простейшая теоретически возможная форма жизни потребовала бы по меньшей мере 124 различных протеина. Но нужно ещё, чтобы все эти протеины не просто соединились как попало, а именно в одной единственной последовательности.

Это равносильно следующей аллегории: Представим, что все отдельные части космического лайнера брошены в общую кучу, и эта куча полетит, если её заправить топливом. Правда, если мы сложили всю кучу в большой мешок и трясли бы этот мешок достаточно долго, все могло случиться.

Но это смешно даже верующему в чудеса.

Несмотря на то, что математик Крус едва сдерживает зевоту, давайте разберем статистические шансы для появления только одного определенного протеина. Из аминокислотного ряда протеина, содержащего только 12 различных видов аминокислот с молекулярным весом равным 34 000 (в грубом приближении около 340 аминокислот в молекуле относительно простого протеина) можно было бы составить 10300 различных группировок! Другими словами, на первобытной Земле могли бы родиться 10300 различных молекул протеинов с молекулярным весом 34 000. Если бы мы имели, хотя бы по одной молекуле каждого вида, их общий вес составил бы примерно 10^{280} граммов, тогда как общий вес Земли составляет лишь 10^{27} граммов. Если бы вся видимая Вселенная состояла из протеинов подобного рода, то и тогда нам не удалось бы разместить все возможные виды молекул, даже по одному экземпляру из каждого вида...

Вот, сразу видно, как у математика возбудить интерес к загадкам эволюции, – усмехнулся Авкуб, – Следующий тупик эволюции – это создание простейшей клетки прокариот, имеющей специфическую оболочку – мембрану, отделяющую клеточное содержание от окружающего ее «супа». Образование клетки революционизирует мир, который перестает быть «мировым супом» и становится «средой обитания», в которой обмен веществ идет между организмом (клеткой прокариот) и окружающей средой.

В философском смысле это диалектическая оболочка, одновременно связывающая и разделяющая нас с окружающей средой. Без нее мы просто бы растворились в этой среде без остатка и осадка.

Пока наука не в состоянии представить нам эксперимент по самосборке оболочки у искусственного белка.

Очередной парадокс «случайной» эволюции – это процесс, обеспечивший не только обмен веществ в живых организмах, но и позволивший им плодиться и размножаться (точь-в-точь по библии). И в отличие от этой, не слишком мудрой книги, вся нынешняя жизнь произошла от

клеток с информационными системами, основанными на репликации ДНК, и на синтезе белков, направляемом информационной РНК.

При этом удивительна однотипность ДНК всех живых организмов. Все они состоят из длиннющих полинуклеотидных спиралей, соединенных невероятным множеством вариантов сцепленных между собой азотистых оснований, которых имеется всего на всего 10—12 видов.

Форма этих связей общая для ДНК всех живых организмов на Земле!

Молекула ДНК кроме наследственной функции выполняет и мутационную. В ней есть участки с повышенной частотой мутаций и имеются участки более консервативные, где мутации происходят редко. И в этом проявляются два разных процесса: если мутации ведут к летальному исходу, они не проявятся в следующих поколениях, а если ошибка не смертельна, она закрепится в следующих поколениях.

Все гениальное просто! ... – голограмма Авкуба почесала свой лоб...

– Но я никак не могу поверить в гениальность природы и эволюции, работающей по принципу «орел или решка», при таких выдающихся выигранных результатах. Природа сама

по себе не могла совершить революционный скачок от биохимии (океанского супа) до живого существа, обладающего способностью существовать, расти, эволюционировать и размножаться без революционного вмешательства со стороны умных и дальновидных сил.

Меня всегда поражала алогичность процессов биохимии живого.

Она заключается в том, что жизнь сотворена, этой самой биохимией, при условии малого количества относительно простых исходных комплекующих, но при невероятной сложности и многообразии дальнейших соединений в конструкции.

А этот факт характерен для хорошо продуманной сложной программы!

– И, наконец, про последний и наиболее интересный тупик эволюции, интересный тем, что он касается нашего с вами происхождения. И если вы кое-что знаете про своих прапредков, а я расскажу что-либо новое, то, надеюсь, эта новость вас не разочарует.

Всем известна дарвинистская теория происхождения человека от обезьяны. Меня эта теория никак устроить не может. И вовсе не из-за возможности такого мало обаятельного родства, а по причине её нелогичности.

Современная палеонтология до сих пор не может найти «последнее» звено, как ей кажется, в цепи плавного превращения первобытного примата в *Homo sapiens*. Почти пол миллиона лет следы находятся, а потом, раз ... и обрываются.

До неандертальца, который с трудом, видимо, произносил внятные звуки на уровне шимпанзе, все ладно, а как до появления гортани, связной речи и вообще элементов абстрактного мышления, так это только лет так 30 000—50 000 и не далее.

Откуда вдруг такой скачок в плавной эволюции Дарвина?

Поэтому у меня более уважительное отношение к Ламарку.

Ламарк объяснял прогресс организации от простейших до высших форм существованием особой «силы», действующей автономно от среды, непрерывно и постепенно, строго равномерно (пропорционально времени). Эта сила целенаправленно управляет ступенчатым усложнением организации, и обуславливает неизбежный переход от одной ступени организации к другой.

Он постулировал непрерывное самозарождение простейших животных и утверждал, что «воспитательные» формы среды удивительно специфичны! Относительно совершенные, но еще «донервные» животные изменяются через питание. С появлением нервной системы и сознания (обратите особое внимание на это) связь среды и организма существенно меняется в пользу большего участия сознания в эволюции. В связи с этим Ламарк придавал особое значение упражнению и неупражнению органов как главной причине адаптивных преобразований у высших животных. Более того он рассматривал в качестве причин эволюции сознательные волевые акты.

Прошу обратить особое внимание на последний факт.

Что-то мне подсказывает, что он нам ещё пригодится!!!...

И последнее следствие из теории Ламарка.

Он постулировал одновременное существование «высших» и «низших» форм (например, человека и амебы). Ламарк объяснял это «сложностью» среды.

Если применить его понятие сложности среды к нашим задачам, становится очевидным, что стратегически правильно базировать наши исследования на его теории.

Но вернемся к нашим динозаврам,...

Тут легкий мелодичный сигнал поступления голографической почты прервал затянувшуюся «тупиковую» лекцию шефа.

Авкуб, лишь слегка взглянув на миникопию, весь расплылся в довольном выражении лица.

– Вы помните, друзья, что мы недавно задали Колотуру расчет вероятностной реконструкции эволюционного процесса на нашей планете, начиная с Мезозоя. При этом priori-

гии они развились из текодонтов еще в триасе и заняли господствующее положение на Земле в Юре и Мелу.

По общей схеме эволюция архозавров выглядит так. От пермо-триасовых текодонтов обособились остальные отряды: крокодилы, птерозавры и два отряда динозавров: ящеротазовые (Saurischia) и птицетазовые (Ornithischia). К ящеротазовым относятся такие, на первый взгляд несхожие друг с другом формы, как хищные двуногие тероподы размером от тиранозавра – 6 м высотой, до прекурзора, очаровательного создания величиной с ворону или шустрого ануругната, размером с воробья.

К птицетазовым (несмотря на нехарактерное название) принадлежат исключительно растительноядные формы, по большей части крупные и очень крупные: двуногие утконосые динозавры, вторично-четвероногие анкилозавры (панцирные динозавры), стегозавры и цератопсиды (рогатые динозавры).

В юре среди динозавров можно было встретить настоящих чудовищ, длиной (с хвостом) до 25—30 м и весом до 50 т.

В Меловом периоде достигли расцвета хищные динозавры, наиболее замечательными среди которых были такие формы, как *Tyrannosaurus rex*, длина которого превышала 15 м. Все эти формы, оказавшиеся величайшими наземными хищными животными за всю историю Земли, передвигались на двух ногах.

Эта «изобретенная» архозаврами жизненная форма бипедального хищника оказалась столь совершенной, что на протяжении всего мезозоя наземных хищников иного типа не возникало вовсе. Судя по всему, мы тут имеем дело со случаем «абсолютного оружия» (не раз демонстрировавшимся эволюцией в ситуациях с появлением зоопланктона в Венде, гигантскими стрекозами в Карбоне и др.).

Прошу отметить про себя возможность появления «абсолютного оружия» эволюционным путем!

Однако, что меня поразило в Колотуровской схеме?

Она уже в самом начале мезозоя, в триасе, показывает существенные отклонения от известного нам стереотипа. В группе частично теплокровных, наблюдается настоящий бум, в том числе среди летающих ящеров и млекопитающих.

При этом число видов последних оказалось очень большим. Расчеты Колотура показывают, что в этом отношении млекопитающие не уступали видам динозавров. Правда, все они были малого или среднего размера и составляли собой малый структурный экологический класс, довольствующийся кусками экологических ниш, не занятых большим классом динозавров.

Но заметьте, эволюция с самого начала Триаса создала их и почти 150 миллионов лет берегла «на всякий случай»!

Что это запасной вариант, Колотур в схеме определил однозначно, выделив основной вариант прогрессивного развития сплошной линией. И этот путь весьма оригинален. Он отпочковывается в ранней Юре плохо летающих (порхающих) птиц и продолжает весь Меловой период совершенствовать полет динозавров. Заметьте – более 90 миллионов лет тратится эволюцией на «обучение» полетам!

Не многовато – ли?

Потом мы видим, что полет каким-то образом трансформируется (у пернатых динозавров), а далее их потомки покидают не только зону Кайнозойской эры Земли, но саму Землю, как таковую...

И с тех пор Колотур, впрочем, как и вся наша наука, следов динозавров в эволюции Земли не наблюдает.

Вот, что мне видится в расчетах Колотура!

Правда, мне не ясно, каким образом произошел такой невообразимый переворот в плавной ветви эволюции, но давайте пока что порассуждаем о полете.

Мне почему-то кажется, что все дело в нем...

Вы только представьте себе: летать свободно над землей 100 миллионов лет, осваивать трехмерное пространство всем своим существом и прекрасно в нем ориентироваться, ощущать скорость, и если, при этом, еще что-то воспринимать «разумом», то из такого материала эволюция могла слепить все что угодно.

Давайте посмотрим на особенности летающих динозавров, исходя из данных современной палеонтологии.

Это первые летающие ящеры, так называемые рамфоринхи....

Рамфоринх (в переводе с греческого – «клюворыл») известен с начала верхнеюрского периода, жил около 170 млн. лет назад. Это самый примитивный из летающих ящеров, с размахом крыльев от 90 до 120 см. Тело и узкие крылья животного покрывала шерстеподобная чешуя, видимо, удерживающая тепло в полете. Кожистая летательная перепонка у рамфоринхов натянута между удлинённым «летательным» пальцем передней и лодыжкой задней конечности. Длинный хвост оканчивался вертикальным «килем», играющим роль руля поворота. Это совершенно необходимый орган для видов рамфоринхов, питающихся насекомыми и оттого летающих преимущественно между зарослями с частой сменой направления полета. На вытянутых челюстях располагались длинные и тонкие зубы, немного наклоненные вперед.

Заселяли рамфоринхи и морские побережья. Здесь они питались рыбой, которую ловили, опустив в воду нижнюю челюсть. Первые отпечатки скелетов рамфоринхов были найдены в конце 18 века. В 1801 году Жорж Кювье отнес их к пресмыкающимся и выделил в особую группу летающих ящеров.

Так были впервые описаны летающие ящеры. Но вскоре оказалось, что уже в те времена их разнообразие было весьма велико. И часть из них настолько овладела техникой полета, что длинный хвост стал не нужен для ловкого лавирования в воздухе.

Примером может служить Анурогнат (*Anurognathus ammoni*) (в переводе с греческого – «бесхвостая челюсть») – мелкий птерозавр, известный из верхнеюрского периода, живший около 160 млн. лет назад. Весьма характерное название и сам облик его, являются воплощением «птичьего машущего полета». Длина тела этих ящеров не превышала 9—10 см, а вес тела составлял всего 5—9 г.

Постепенно размеры летунов стали возрастать в сторону увеличения массы тела, благо пищи этим хищникам, видимо, хватало с избытком. Тем более тем из них, кто питался рыбой.

К примеру, Орнитохейрус – Гигантский летающий ящер (*Ornithocheirus*; в переводе с греческого – «птицерукий») жил в раннемеловом периоде 125—110 млн. лет назад. Размах его крыльев достигал 12 метров, длина тела – 3,5 м, головы – 1,5 м, вес – 100 кг. Длинные узкие челюсти, с костным гребнем в передней части, и острые зубы были приспособлены для выхватывания рыбы из воды. Кости имели воздушные полости, что значительно облегчало вес тела. Орнитохейрусы могли подолгу планировать, улавливая потоки воздуха, и, по-видимому, мигрировали по всему миру, о чем свидетельствует география их находок.

Прекрасные летуны хищные птеранодоны заселили всё воздушное пространство морей и континентов, занимая все возможные ниши, вплоть до падальщиков.

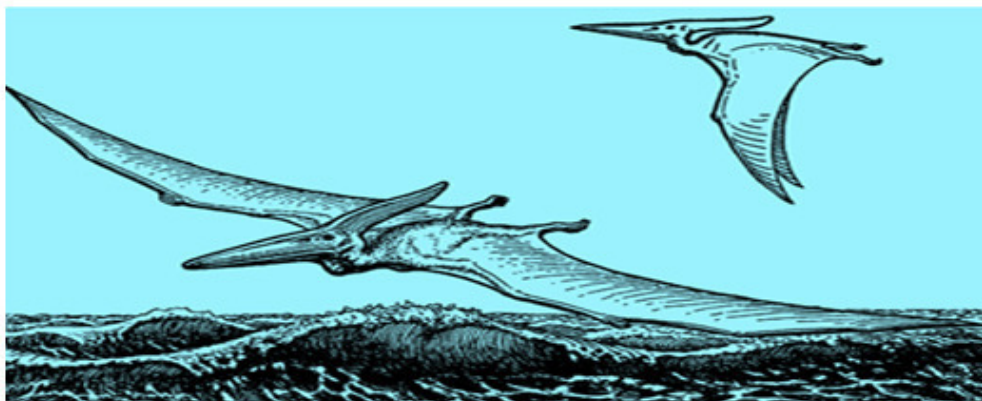
Самым очевидным примером может служить Кетцалькоатль (*Quetzalcoatlus* sp.), живший в позднем меловом периоде 90—95 млн. лет назад. Он был самым крупным из известных науке птеродактилей. Размах крыльев этого летающего ящера достигал 13 метров. Несмотря на огромные размеры, его скелет был очень легким и весил он не более 100 килограммов. Кет-

цалькоатль прекрасно умел планировать, парить в воздушных потоках и был способен покрывать большие расстояния. Он имел длинную шею, выдававшую в нем типичного падальщика.

Первым скелет кетцалькоатля обнаружил палеонтолог Дуглас Лоусон в национальном парке Техаса (США). Он же и назвал его по имени грозного ацтекского бога Кетцалькоатля (на языке ацтеков – «пернатый змей»).

В «объяснительной записке» к своей модели Колотур отображает сравнительные летные качества летающих ящеров и современных птиц. Я уточняю, что именно современных нам оттого, что птицы, современные летающим ящерам, умели только «порхать» в лесной чаще, дабы не стать добычей перволетунов.

Так вот, соотношение размаха крыльев (м) к весу (кг) у летающих ящеров всех величин составляет от 20 до 5, а лучшие современные летуны: альбатросы, гигантские буревестники и грифы обладают коэффициентом «грузоподъемности» ниже 4. Подобные птичьим летные качества имел уже самый примитивный летун из ящеров – рамфоринх, более 100 миллионов лет тому назад.

Несколько раз, просмотрев кадры полетов над океаном птеранодонов и подивившись на летательные качества птерозавра, Авкуб особенно заинтересовался именно, планирующим полетом. В фильме «параллельных» этот вид полета был показан как-то вскользь. Поэтому необходимые знания он решил почерпнуть из архива Палеонтологического института.

Полученный сенсором архивный рисунок практически не расходился с документальной съемкой «параллельных».

Справочная информация содержала следующее краткое описание этого летуна. Птеранодон – представитель вымершей группы летающих ящеров (птерозавров). Этот современник динозавров обитал на территории нынешнего Канзаса (США) в поздне меловое время (около 85 млн. лет назад). Размах крыльев птеранодона превышал шесть метров. Между сильно удлинёнными четвёртыми («летательными») пальцами кистей и телом имелась натянутая тонкая кожистая перепонка, обеспечивающая парение в воздухе. На голове заметен направленный назад затылочный гребень. Его назначение не выяснено, но, возможно, он играл ту же роль, что и хвостовая часть самолета. Птеранодоны жили вблизи морского берега и питались рыбой.

Дополнительно Сенсор выдал такую информацию.

Специалисты по аэродинамике считают, что крыло птерозавра было идеальной моделью планера: Если у птиц плоскость крыла образуют длинные маховые перья, то у летающих ящеров и летучих мышей – кожная перепонка брахиопатагиум, натянутая между телом и сильно удлиненным четвертым пальцем кисти. Птерозавры в отличие от летучих мышей имели дополнительную перепонку между плечом и предплечьем, так называемый пропатагиум. Натяжение мышц поднимало пропатагиум, что позволяло изменять аэродинамические свойства крыла.

Подъем и опускание хвоста изменяли угол наклона брахиопатагиума, который функционировал как самые настоящие закрылки для гашения скорости при приземлении. Поверхность крыла была выпукла кверху, что создавало аэродинамический профиль крыла, необходимый для возникновения подъемной силы».

Для сравнения сенсор тут же выдал модель современного планера и Авкуб не мог с ним не согласиться в том, что скелет даже самого первого примитивного летуна – хвостатого динозавра— это модель хорошего планера.

Более того, он потребовал более детальных прогностических расчетов и получил их к своему удовлетворению.

«Механизм» раскладывания крыльев этих удивительных существ можно сравнить с технологиями изменяемой плоскости крыла ракет и самолетов. При размахе крыльев от 7 до 12 метров это существо имело небольшой вес. А это – идеальный планер! Крыло птерозавров имело совершенную конструкцию, им требовалась небольшая вертикальная скорость для набора высоты.

Исследования показали, что оптимальная скорость планирования – 29 км/ч. Максимальная же скорость полета достигала 50 км/ч, при приземлении она снижалась до 24 км/ч, что обеспечивало мягкую посадку. Длинные узкие крылья обеспечивали высокую эффективность планирующего полета, намного превосходящую таковую у современных альбатросов. Птеранодон мог планировать быстро и на длинные дистанции. Для поддержания его на лету было достаточно восходящего потока скоростью всего 0,6—1 м/с. Большинство находок птеранодонов сделано в отложениях открытого моря, удаленных в то время от берега на 160 км, что однозначно свидетельствует о способности птерозавров к дальним перелетам.

Скорее всего, птерозавры, как и современные морские птицы, могли садиться на воду и достаточно хорошо плавать. Вероятно, они взлетали с воды, выплывая на гребень волны. Рыбу они ловили, выхватывая ее из приповерхностного слоя воды в полете».

– Так-то оно так! – подумалось Авкубу,

– Ну, а если восходящего потока нет, а маховый полет – весьма затратное аэродинамическое явление, на которое требуется недюжинная сила мышц? Которой, весьма очевидно, у птеранодона не имелось, судя по недоразвитости костей груди и предплечья по сравнению с птицами!?... Кто что может тут сказать?

Пусть Соколов что-либо добавит к моим доводам.

– С точки зрения физики, – неуверенно начал Соколов, – Все расчеты весьма точны. При площади крыльев 25 квадратных метров можно было бы спокойно парить только в безветренную погоду. Но что делать в тропический шторм?

После каждого из циклонов впору открывать целое кладбище птеранодонов, – он задумчиво опустил голову к полу, как бы провожая туда почивших пресмыкающихся вместе с зачатком своей промелькнувшей, словно молния, мысли. Но ему удалось схватить за хвост ускользающее прозрение и он стал, как бы вслух про себя, рассуждать...

– А давайте—ка увеличим эти поперечные полосы на крыльях птеранодона, – увеличивает кадр «киношки»...

– Смотрите, у «параллельных» они быстро бегут, словно волны по кожистой пленке крыла. Ине так как показывает архивный рисунок, вдоль крыла, а от «пальца» к концу крыла, назад по направлению полета...

Что бы это значило!?

– Эврика! – вскрикнул в своем боксе Крус,

– Это же новый вид движителя!

Таким образом «бегущая волна» создает дополнительную тягу – вроде мотора у самолета! Я завтра же построю модель!

– Молодец, – похвалил математика Авкуб,

– Понятно почему они сейчас у нас летят совсем горизонтально, со скоростью до 50 км/час... Тем не менее, смотрите, они всё-таки изредка машут крыльями...

В чем тут загвоздка?

– Разрешите мне, – сразу же откликнулся математик Крус.

– Я тут за время Вашей познавательной лекции немного отвлекся и просчитал аэродинамические нагрузки при полете птеранодонов. Да, в планирующем полете никаких вопросов не возникает. Они спокойно могли нести не только собственное тело, но и еще 100 кг добычи (скажем очень крупную рыбу). Я не могу себе представить, что эти хищники вообще никогда не приземлялись на воду или на землю. А если приземлялись, то у них неизбежно возникали бы проблемы со взлетом.

Но не это удивительно. Удивительно то, что при экстремальном маховом режиме взлета (в случае масса тела + масса дополнительного груза) конструкция крыла не выдерживала бы перегрузок. И даже, если силы мышц было достаточно для взлета, то костная опора крыла, состоящая из предплечья и одного сильно развитого четвертого пальца, просто переломилась бы пополам. Такую перегрузку на излом не выдерживает не только костная ткань, но и большинство современных материалов. Отсюда для меня очевиден один вывод – в их аэродинамике имел место неизвестный фактор, обеспечивающий дополнительную подъемную силу.

– А знаете, что мне думается? – «задумался» в своем боксе физик.

– Ну, сама по себе площадь в 25 квадратов не бог весть какая... Скажем, вся площадь отражающих (фокусирующих зеркал) основного рабочего органа нашего Колотура около того, а мы уже можем с их помощью как-то оперировать плотностью торсионных полей. Что если вся площадь тела постоянно летающего десятки миллионов лет динозавра приобрела свойства нашего зеркального материала и стала способной (как большая антенна) фокусировать космическую энергию и частично (каким – то образом) преобразовывать в дополнительную подъемную силу?...

В принципе идея фантастическая!

Физически это какой-то блеф. Мне просто интересно, что думает на этот счет Иван Иванович с его недоступной физикам экстрасенсорикой?

– А думает она, Сергей Сергеевич, – изъясвился экстрасенс Иванов,

– Может и не так глубокомысленно, как физика, но зато под час, значительно более эффективно!

Вернее не думает, поскольку ощущение биополя любого организма и торсионного поля любого субъекта никак не связано с высшей нервной деятельностью. Скорее, наоборот, чем меньше контроль головного мозга, тем сильнее контакт с энергетикой космоса и человека, и высокоорганизованного животного. Во всяком, случае, в организме животного в момент полной релаксации этот контакт достигает наибольшей величины. И мне думается, что многовековое парение динозавров в полуастральном состоянии могло (за десятки миллионов лет) выработать у них способность аккумулировать энергию космоса для «своего внутреннего использования».

И, если физика с этим не согласна, пусть обоснует это несогласие своими физическими методами!

– Ну, не волнуйтесь так, Иван Иванович, вашу экстрасенсорику никто не хотел обидеть, – вступился за экстрасенса Авкуб.

– Напротив, никакими известными физическими законами мы не можем объяснить рассматриваемый феномен. Будем надеяться на помощь с той стороны. А пока приходится базироваться на принципах бессознательной медитации в достижении единства своего биополя с мировой энергией. Ведь основы такого единения лежат в создании целой мировой религии – буддизма. И если сам Будда достиг нирваны в течение своей жизни, то почему бы не поверить в возможность достижения подобного эффекта динозаврами за почти 100 миллионов лет? ... Тем более, что Иван Иванович нас только что заверил, что способность к абстрактному мышлению здесь только мешает!

– Алексей Алексеевич, ну тогда почему же наша палеонтология считает летающих динозавров атавизмом по отношению к птицам, – занедоумевал Ван Авдеев.

– Это все по премудрости народной, что простота – мать воровства, – ответил присказкой шеф.

– То есть, чем проще что-либо, тем оно не столь стояще. По этому принципу все ясно! Вымерли – значит, были хуже. И перьев у них не было в достатке, и кости не такие «продвинутые» и прочая и прочая...

Палеонтологи забывают, что у позже живущих животных вполне возможно ожидать более высокий уровень адаптации, но при этом у них неизбежна специализация строения организма. К примеру, отсутствие аппендикса у человека считается прогрессивным признаком, поскольку исключает проявления аппендицита, как заболевания, в тоже время бывшая функция, в данный момент редуцированного органа, никому не известна.

Поэтому, чтобы точнее представить себе схему развития отрядов животных от текодонтов, надо, наверное, избавиться от палеонтологического комплекса «перспективности», согласно которому, чем позже появляется существо, тем оно совершенней...

Однако это общие рассуждения, которые не дают ответа на один, но очень важный вопрос: почему остановились в своем развитии такие перспективные существа, достигшие верхов аэродинамики, а если не остановились, то что делали они еще без малого 60—70 млн. лет до наступления ледниковых периодов?

Шеф задумчиво постучал пальцами по столу.

– Да, и причем тут «куренок»?

Особенно в сравнении с выявленными нами только что почти «божественными» качествами летающих гигантов?!...

– А разрешите мне пару замечаний, – воспользовался паузой аналитик Щегол.

– Невзирая на мою птичью фамилию, я не стану лоббировать птички интересы. Я ещё раз внимательно просмотрел фильм «параллельных» и наконец «врубился» в их идею фикс. Всё что происходит внизу, а множество кадров снято с высоты птичьего полета, вторично по отношению к тому, кто это снимает...

Я это к тому, что главный здесь тот, который «снимает». Все животные вроде бы это тоже понимают. Ведь даже громадные диплодоки иногда отрываются от пожирания зеленых матов и по-птичьи поворачивают на бок голову, чтобы рассмотреть нечто в вышине. И их не интересуют ваши птеранодоны, стаями кружащиеся в выси... Заметив что-то еще, они дружно ныряют вглубь озера.

Меня не покидает ощущение, что прав был Ламарк, утверждая, что в эволюции высокоорганизованных существ должно присутствовать сознание. И если сейчас человечество практически вышло из эволюционного процесса и самосовершенствуется за счет интеллекта, то почему мы не можем допустить этого для другой, «нечеловеческой» цивилизации. Ну, недаром же «параллельные» показали нам это сверх существо – «чудо в перьях».

Я думаю все дело в нем...

– А я к этому могу кое-что добавить, – встал со своего операторского стула у себя в боксе Ван Авдеев.

– Мы проглядели в фильме «параллельных» про Юрский период еще один примечательный кадр с «куренком». Это основной измененный эпизод фильма. Тот самый, когда двое людей спасаются от набегающих на них динозавров за поваленным стволом огромного дерева. Сначала через них перепрыгивают травоядные бипедальные скороходы, потом стая овиратрофов, потом тираннозавр хватает зазевавшегося мелкого динозавра. И по нашему фильму он его смачно сжевал. А по версии «параллельных» тираннозавр оглянулся назад, выплюнул жертву и бросился в другую сторону, а над беглецами пронесся в вихре облака тот же куренок. Это был единственный случай, где «параллельные» оставили в кадре людей. Как вы думаете, на что они тут намекают?

– Быть может они демонстрируют нам своё сверхоружие, так чего им нас пугать? – задумчиво прошептал Сидоркин...

– Да, мы с ними не в одном «весе»! Их цивилизация на десятки миллионов лет старше нашей, а, следовательно, на столько же должна быть мудрей. Да и оружие не такое уж устрашающее: не водородная же бомба, а, так себе, портативный ракетный движок.

– А мне думается, – возразил Сергейчин,

– Что здесь и сверхоружие, и способ гравитационного перемещения в пространстве без использования энергии, и прообраз их теперешней цивилизации. Они показали нам, какими были их предки уже 100 млн. лет назад, что Алексей Алексеевич первым понял, а Колотур подтвердил прогнозными расчетами.

И когда ими был получен фильм с нашей интерпретацией прошлого нашей планеты, непосредственными участниками которого были их прямые предки, то совершенно естественно, они «исправили» в нем ошибки. При этом без всякой задней мысли показали нам

существование надприродного высокоразвитого существа, которое может «повелевать» миром мезозоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.